

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

Вечная Принцесса

Филлипа Грегори — королева романов о королях.

USA Today

Тюдоры

Филиппа Грегори
Вечная принцесса

«Азбука-Аттикус»

2005

Грегори Ф.

Вечная принцесса / Ф. Грегори — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Тюдоры)

ISBN 978-5-389-07069-1

Слова имеют вес. Слово – как камень, брошенный в пруд: круги идут по воде, и не знаешь, какого берега они достигнут. Когда-то она сказала одному юноше: «Я тебя люблю и буду любить вечно». Но это была ложь, и она была уверена, что ей придется держать ответ перед Господом, но не предполагала, что придется держать ответ перед людьми. Каталина, дочь великих испанских монархов Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, выросла в твердом убеждении, что обязательно будет быть королевой Англии, но путь к британской короне оказался труден. И все же она стала Екатериной Арагонской, супругой Генриха VIII. Но каково это – быть женой вздорного и самонадеянного Генриха? Все предыдущие книги Филиппы Грегори стали мировыми бестселлерами, а ее роман «Еще одна из рода Болейн» был экранизирован с участием таких звезд Голливуда, как Натали Портман, Скарлетт Йоханссон и Эрик Бана, и стал международной киносенсацией.

ISBN 978-5-389-07069-1

© Грегори Ф., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Принцесса Уэльская	5
Гранада, лето 1491 года	5
Дворец Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года	18
Лондон, ноябрь 1501 года	30
Замок Ладлоу, январь 1502 года	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Филиппа Грегори

Вечная принцесса

Принцесса Уэльская

Гранада, лето 1491 года

Раздался вопль, огонь жадно лизнул шелковое полотнище, тут и там послышались крики. Пламя перебегало от палатки к палатке, пожирая стяги, взбегая вверх по украшенным флажками веревкам, сквозь муслиновые входные завесы врываясь в шатры. Встревожились, заржали лошади, испуганные люди пытались их успокоить, однако ужас, звучащий в их командах, пугал животных еще пуще, и наконец вся равнина осветилась тысячей всполохов. Ночное небо затянуло клубами дыма, воздух задрожал от женского визга и грубых окриков.

– Матре! Матре! – тоненько позвала разбуженная шумом девочка. – Мавры? Это что, мавры?

– Спаси нас Господь! – всполошилась спросонья нянька. – Они подожгли лагерь! Надругаются надо мной, ироды, а тебя саблями порубят!

– Мама! – заплакала девочка, сползая с постели. – Где моя мама?

Путаясь ногами в рубашке, она кинулась из шатра, полотнища которого уже занялись огнем, и в ужасе замерла: вокруг тысячами костров пылали тысячи палаток. Веселым фейерверком взлетали в ночное небо искры, неся беду все дальше и дальше.

– Мама!

Тут из языков пламени появились два огромных коня, двигавшиеся в лад, как невиданные, сказочные звери, черные-пречерные на фоне пожара. С высоты к трепещущей от страха девочке склонилась мать.

– Оставайся с нянькой и держись молодцом! – приказала женщина, в голосе которой совсем не слышалось страха. – Мы с твоим отцом должны показаться войску.

Девочка протянула к матери руки:

– Возьми меня с собой, мама! Я тут сгорю! Меня мавры схватят!

Огонь отражался на нагруднике доспеха, в который была закована мать девочки, и на богато украшенных чеканкой ножных латах. Казалось, вся она была из металла, из серебра с позолотой. Снова наклонясь, она строго сказала:

– Если я не выеду к людям, они разбегутся. Ты же не хочешь этого?

– Мне все равно! – вскричала девочка. – Мне никто не нужен, кроме тебя! Возьми меня в седло!

Натянув поводья, ее мать направила коня прочь, бросив через плечо:

– Я вернусь за тобой. Жди здесь. Так нужно.

Девочка беспомощно смотрела, как родители удаляются.

– Матре! Матре! Пожалуйста... – захныкала она, но мать даже не обернулась.

– Мы тут сгорим! – раздался голос Мадиллы, ее служанки-арабки. – Побежали! Нужно спрятаться!

– Ты-то помалкивай! – с внезапно вспыхнувшим гневом обернулась к ней девочка. – Если меня, саму принцессу Уэльскую, можно оставить в пылающем лагере, уж ты-то, мориска, и подавно не пропадешь!

Она смотрела, как два всадника мелькали тут и там среди горящих палаток. Всюду, где они появлялись, стихали вопли, в лагере восстанавливался порядок. Солдат выстроили в ряд

до самого оросительного канала, чтобы из рук в руки передавали ведра с водой. Генерал, лупя плашмя саблей, метался меж людьми, собирал из тех, кто только что со всех ног неся куда глаза глядят, оборонительный отряд на случай, если мавры, заметив со своих укреплений пожар и решив воспользоваться царящей в лагере суматохой, пойдут в атаку. Но мавры в эту ночь не напали. Они сидели за высокими стенами своей крепости и гадали, какую еще каверзу затеяли хитрые христиане.

Вернувшись к дочке, мать нашла ее собранной и спокойной.

– Каталина, ты как? – Изабелла Испанская соскочила с коня.

От того, чтобы опуститься перед девочкой на колени и прижать ее, свою самую младшую и самую любимую дочь, к сердцу, она себя удержала. Нежностями не вырастить из ребенка воительницу во имя Христа. Не дело – поощрять слабость в принцессах.

Та между тем держала спину прямо, как мать.

– Я справилась.

– Ты не боялась?

– Нет, совсем нет.

Королева одобительно кивнула.

– Это хорошо, – сказала она. – Этого я и жду от испанской принцессы.

– И принцессы Уэльской, – прибавила девочка.

Это я, та девочка, пяти лет от роду, присевшая на сундук с сокровищами, с лицом белым, как мрамор, и синими, распахнутыми в страхе глазами, не позволяю себе дрожать, кусаю губы, чтобы удержаться от крика. Это я, зачатая в походной палатке родителями, которые не только любили друг друга, но и соперничали между собой, родившаяся дождливой зимой в момент краткого передыха от битв, взращенная сильной женщиной, носившей доспехи, все детство проведенная в военных лагерях, самой судьбой предназначенная сражаться за свое место в мире, защищать свою веру против чужой, отстаивать свое слово против чужого. Я – Каталина, принцесса Испанская, дочь самых великих монархов, каких только знал мир, – Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Их имена вызывают трепет от Каира до Багдада, от Константинополя до Индии, но пуще всего их боятся мавры, как бы они ни назывались: турки, индийцы, китайцы, – это наши соперники, наши смертельные враги. Сам Папа Римский благословил Фердинанда и Изабеллу, нарек их королями – защитниками нашей веры, они величайшие в христианском мире крестоносцы и первые короли Испании, а я – их младшая дочь Каталина, принцесса Уэльская и будущая королева Англии.

В три года меня обручили с принцем Артуром, сыном короля Генриха, и, когда мне исполнится пятнадцать, меня посадят на красивый корабль, на самой высокой мачте которого будет развеваться мой штандарт; я поплыву в Англию и там стану женой Артура, а потом – королевой. Страна его прекрасна и изобильна, там много фонтанов, в которых поет вода, деревья осыпаны согретыми солнцем плодами, цветы многочисленны и ароматны, и, раз это будет моя страна, я хорошо о ней позабочусь. Договоренность о браке была достигнута едва ли не сразу, как я родилась; я всегда знала, что так оно будет, и, хотя мне жаль покинуть мамушку и родной дом, я рождена принцессой, мне предначертано царствовать, и я знаю, в чем состоит мой долг.

Я стану королевой Англии, потому что это Господня воля и приказ мамушки. И, как все в нашем мире, я верю, что Господь и мамушка единокорны и волю их следует исполнять.

Утром лагерь у стен Гранады выглядел свалкой залитого водой, дотлевающего мусора, почернелого тряпья, обгорелых лохмотьев, в которые превратились ковры и палатки. Куда ни глянь, пепелище, и все из-за одной беспечно зажженной свечки! Что оставалось делать, кроме

как отступить? Лагерь испанской армии, гордо вставшей осадой под стенами столицы последнего в Испании королевства мавров, сгорел дотла. Да, придется отступить и начать сначала.

– Нет, отступать не будем, – непреклонно заявила Изабелла Католическая.

Годом старше своего мужа, красивая, умная королева отличалась энергией, упорством и самонадеянностью. Не уступая Фердинанду в честолюбии, она в противоположность ему была искренна и скромна, не любила полумер и гнушалась безнравственных средств. Несмотря на резкие различия в характерах, супруги жили в полном согласии, благодаря сходству политических стремлений и такту, с которым вела себя Изабелла.

– Ваше величество, ничего не попишешь, – отмахиваясь от наглых мух, которые жадно роились над пожарищем, почтительно заговорил один из генералов, собравшихся на совет под обгорелым навесом. – Дело не в гордости и не в недостатке воли. Несчастливая случайность лишила нас крова и всех припасов. Придется отойти, подготовиться и снова начать осаду. Ваш супруг, – он сделал поклон в сторону темноволосого представительного мужчины, который стоял чуть в стороне от основной группы, но внимательно слушал все речи, – он с этим согласен. Мы все с этим согласны. Подготовимся, снова начнем осаду и победим. Хороший военачальник всегда знает, когда следует отступить.

Все закивали. Здравый смысл подсказывал, что иного пути нет. Год пропал, да, но решающая битва подождет. Уже семь веков она дожидается своего часа. Год за годом христианские короли приращивают свои земли. С каждой новой битвой мавританские правители Андалузии отступают все дальше на юг. Что за беда – лишний год потерпеть. Маленькая принцесса, приклоняясь спиной к опорному шесту влажного, пропахшего мокрой золой шатра, внимательно смотрела на мать, у которой на лице не дрогнул ни один мускул.

– Нет, генерал, это вопрос именно гордости, и только так, – возразила та. – Мы сражаемся с врагом, для которого гордость важнее всего на свете. Если мы сейчас покажем им спину, уползем прочь в своих промокших платьях, с обгорелыми коврами под мышкой, они будут хохотать над нами – да так, что смех их услышат даже на небесах, в их мусульманском раю. Я такого допустить не могу. Но дело даже не в этом. Господь велит, чтобы мы победили мавров, Господь велит, чтобы мы двигались вперед. Следовательно, мы так и сделаем.

Король Фердинанд отвернул голову, тая чуть насмешливую улыбку, но смолчал и, только когда члены военного совета обратили свои взоры к нему, произнес:

– Королева права. Королева всегда права.

– Но мы остались без лагеря!

– Что ты скажешь на это? – обратился он к королеве.

– Мы построим новый, – сказала она.

– Ваше величество, опустошена вся местность на много миль кругом. Смею сказать, не найдется из чего сшить даже плащ для маленькой принцессы. Нет ткани. Нет парусины. Нет источников воды, нет хлеба. Мы разрушили местные оросительные каналы, разорили деревни, потоптали поля. Мы разграбили все окрест, но от этого нам же хуже.

– Значит, будем строить из камня. Уж камень-то у нас, насколько я понимаю, есть?

Свой смешок король обратил в покашливание.

– Вокруг пустыня, любовь моя, – сказал он. – Если здесь что и есть, так это камень.

– Значит, построим, и не лагерь, а город из камня.

– Это неосуществимо! – раздалось вокруг.

Она повернулась к мужу:

– Осуществимо. Такова воля Господа и моя.

– Осуществимо, – кивнул он и улыбнулся мельком, одной только королеве. – Это мой долг – проследить, чтобы воля Господа была исполнена, и моя отрада – претворить в жизнь твою волю, любовь моя.

Армия, потерпев поражение от огня, обратила свои усилия к земле и воде. Подобно рабам, люди трудились в дневной зной и ночной холод. Как крестьяне, пахали поля, которые прежде считали себя вправе топтать. Все: офицеры, кавалеристы, генералы, могущественные вельможи, кузены короля, – все должны были тяжело трудиться под палящим солнцем днем и спать на холодной земле ночью. Мавры, глядя с неприступных стен своей Красной крепости, высившейся над Гранадой, пришли к выводу, что, пожалуй, в стойкости христианам не отказать. Вместе с тем всякий знал, что усилия их обречены на провал. Нет такой армии, которой под силу захватить Альгамбру, это не удалось никому за два века. Крепость из красного камня выстроена высоко на скале. Напасть на нее внезапно никак нельзя, а стены так высоки, что взобраться на них никаким скалолазам не под силу.

Возможно, найдется предатель. Да только разве найдется такой болван, который бы прочному и надежному правлению мавров, за которыми весь цивилизованный мир и единственно праведная вера, предпочел невежество, фанатизм и безумие христианских королей, владеющих всего лишь клочком гористой Европы, и к тому же вечно ссорящихся! Кто решится покинуть этот чудесный мавританский сад, воплощение рая, разбитый в стенах самого прекрасного дворца в Испании, ради бесправия и раздора, царящего в замках и крепостях Кастилии и Арагона?

Подкрепление придет из Африки, у мавров родня и союзники повсюду – от Марокко до Сенегала, поддержит мавров и Багдад с Константинополем. Гранада, может быть, не так уж и велика по сравнению с городами, уже захваченными Фердинандом и Изабеллой, но за ней лежит величайшая империя в мире, империя пророка, да благословенно будет его имя.

Однако же день за днем, неделя за неделей, медленно, вопреки неласковой природе, христиане сделали то, что казалось невероятным. Сначала возникла часовня, круглая, как мечеть, потому что местным строителям было привычней так строить, а их торопили. Потом небольшой домик с плоской крышей и внутренним двориком – для королевы Изабеллы, короля Фердинанда и королевской семьи: сына и наследника, инфанта, и четырех девочек: Исабель, Марии, Хуаны и младшенькой, Каталины. Королева только и просила, чтобы были стены и крыша; привычная к войне, на роскошь она не рассчитывала. Дальше построили с дюжину каменных лачуг, где неохотно расселились самые знатные военачальники. Затем, поскольку королева была женщина суровая и думала прежде всего о деле, появились конюшни и пороховые склады для хранения взрывчатых веществ, купленных, кстати, у венецианцев на личные драгоценности ее величества. Потом, и только потом были устроены бараки и кухни, лавки и харчевни. Короче говоря, там, где стоял палаточный лагерь, теперь возник городок. Никто и не мыслил, что такое осуществимо, однако же вот он, стоит, и назвали его Санта-Фе. Изабелла снова одержала победу над злой судьбой, и осада Гранады продолжалась.

Пятилетняя Каталина, принцесса Уэльская, гуляя, набрела на группу перешептывающихся испанских грандов.

– Что это вы тут затеваете, дон Эрнандо? – спросила она с уверенностью всеобщей любимицы.

– Ничего особенного, инфанта, – ответил ей кабальеро Эрнандо дель Пульгар, улыбкой поощряя девочку продолжить расспросы.

– Нет, затеваете!

– Это секрет.

– Я не проболтаюсь!

– Нет, принцесса! Проболтаетесь, непременно! Это очень, очень большой секрет. Слишком большой для маленькой девочки!

– Честное слово, никому не скажу! – И, немного подумав, прибавила: – Клянусь Уэльсом!

– Уэльсом? Вашей страной?

– Всей Англией!

– Всей Англией? Вашим достоянием?

Она кивнула:

– Уэльсом, Англией и Испанией в придачу!

– Ну что ж... Раз уж вы дали такую страшную клятву, я вам скажу. Но вы точно не побежите к матушке?

Она кивнула опять, затаив дыхание, распахнув синие глазки.

– Мы вот что: мы сегодня отправимся в Альгамбру. Я разузнал туда ход, боковую дверцу, которая, сдаётся мне, не слишком хорошо охраняется, мы сможем пробиться. И вот мы туда войдем, и знаете, что мы сделаем?

Она потрясла головой так, что светлые косички заплясали под покрывалом, как щенячьи хвостики.

– Мы помолимся в их мечети! И еще я оставлю там молитву Святой Деве, пригвоздив кинжалом листок бумаги к двери. Что вы на это скажете?

Она была слишком мала, чтобы понять, что они идут на верную смерть. Откуда ей знать, что стража стоит начеку у каждого хода, что ярость мусульман безгранична. Синие глаза заискрились восторгом.

– А когда вы пойдете туда?

– Сегодня! Этим же вечером!

– Я не засну, пока вы не вернетесь!

– Нет, лучше помолитесь за меня и усните, а утром я сам приду, чтобы рассказать, как все было, вам и вашей матушке-королеве.

Она все-таки решила, что не уснет, и долго лежала, стараясь не спать, в своей кроватке, тогда как нянька металась и ворочалась на ковре у двери. Наконец веки сомкнулись, пухлые ручки разжались, и Каталину сморил сон.

Однако утром Эрнандо не пришел, его коня в конюшне не оказалось, друзей его тоже отыскать не смогли. Понемногу на девочку снизошло осознание того, какой опасности он себя подверг, смертельной опасности, – и все ради славы, ради того, чтобы упомянули его в какой-нибудь из баллад.

– Где же он? – беспокоилась она. – Где Эрнандо?

Нянька Мадилла упорно молчала, и девочка насторожилась.

– Он ведь вернется? – спросила она с внезапно вспыхнувшим сомнением. – Вернется?

Ужасная мысль посещает меня: наверно, больше я его не увижу, в жизни все не так, как в балладах, где надежды всегда оправданны, а юные красавцы неподвластны смерти. Но если он, Эрнандо, мог потерпеть поражение и умереть, значит и мой отец тоже может? Я глубоко озадачена этим открытием. Если мы правы в своих стремлениях – а я уверена, что мы правы! – если правы эти бравые молодые воины – в это я тоже верю! – если Господь за нас и мы с нашим правым делом под защитой Божьей, то как можно нас победить?

Но вдруг я что-то не понимаю, вдруг что-то не так, и все мы на деле смертны, тогда, пожалуй, нас могут и победить... Даже красавца Эрнандо с его веселыми друзьями, даже моих мать и отца... Если Эрнандо смертен, то смертны и мать с отцом. Если матушка может умереть, словно простой солдат, словно мул, который тянет тележку с припасами, – а я видела, как умирают мулы, – как же этот мир существует? Как может существовать Бог?

А потом пришла пора ее матери принимать просителей и друзей, и вдруг как по волшебству он объявился в толпе придворных – нарядный костюм, борода аккуратно причесана, глазами играет – и рассказал всю историю: как они обрядились в арабское платье, чтобы в темноте сойти за горожан, как, подкупив продажного горожанина и воспользовавшись тайной калиткой

в стене, проникли в город, как прокрались к мечети, где, преклонив колени, вознесли молитву Пресвятой Деве и рукояткой кинжала прибили к воротам дощечку с надписью «AVE MARIA», преобразовав таким образом мечеть в христианский храм и посвятив его Деве Марии, а потом, застигнутые охраной, силой пробили себе дорогу по узкой улочке назад, к калитке, и исчезли в ночи прежде, чем прозвучала тревога, ни одного человека не потеряв. На все дело ушло всего несколько минут. Подлинный триумф христиан и пощечина мусульманам!

Это была отличная шутка, смешней не придумаешь, – оставить христианскую молитву в святая святых арабов! Отличный способ унижить мусульман! Королева была в восторге, и король тоже, а принцессы во все глаза смотрели на дона Эрнандо, словно он – оживший герой старых романсеро. Каталина хлопала в ладоши и требовала, чтобы он пересказывал эту историю снова и снова. Однако же в глубине души никак не таял холодок, охвативший ее, когда она представила, что он не вернется.

Что ж, оставалось ждать, как ответят на этот демарш мавры. В том, что ответят, сомневаться не приходилось. Выходка дона Эрнандо и его друзей не могла не быть воспринята как вызов, и ответ не заставил себя ждать.

Королева с детьми поехала в Субию, деревушку недалеко от Гранады, чтобы самой посмотреть вблизи на неприступные стены Альгамбры. Они отправились в путь под охраной армии гвардейцев. Испанцы уже находились на деревенской площади, когда прискакал командир и закричал, что из ворот Красной крепости выступают конные мавры – их целое войско, и они готовы к атаке. О том, чтобы вернуться в лагерь, не могло быть и речи – в любом случае мавры на их быстрых арабских скакунах догонят королеву с четырьмя принцессами, а спрятаться было решительно негде.

Королева огляделась и, таща за руку маленькую Каталину, по ненадежной, осыпающейся лестнице спешно взобралась на плоскую кровлю ближнего дома. Старшие принцессы бегом поднялись сами.

– Маме, ты делаешь мне больно!

– Тихо, дитя. Нужно посмотреть, что они намерены делать.

– Это они за нами? – проскулила девочка сквозь ладошку, которой зажимала себе рот.

– Может быть. Сейчас увидим.

Нет, то была не вся армия, а только отряд мусульманской конницы. Прекрасно вооружены, одеты в блестящие одежды, попоны коней украшены золотом и вышивкой. Во главе отряда скакал некто огромный, темнокожий, и был он как ночь на своем черном коне-великане, и конь этот страшно скалил большущие зубы, словно злой сторожевой пес.

– Маме, кто этот человек? – прошептала принцесса, не сводя с всадника глаз.

– Это мавр по имени Тарфе, дочка, и боюсь, явился он по душу твоего друга Эрнандо.

– Какой страшный у него конь! Вот-вот укусит!

– Ему отрезали губы, этому коню, чтобы на него страшно было смотреть. Но нас так легко не испугаешь, нет. Мы не пугливые дети!

– А может, лучше нам убежать? – пробормотало очень даже испуганное дитя. Однако мать, занятая парадом мавров, не расслышала этих слов. – Ты ведь не позволишь ему навредить Эрнандо, да, маме?

– Эрнандо сам бросил ему вызов. А Тарфе – человек чести, и он на этот вызов ответил.

Придется принять бой! – ровным голосом сказала мать.

– Какой же Тарфе человек чести, если он еретик? Мавр!

– Среди них встречаются весьма достойные люди, Каталина, хоть они и не нашей веры.

А этот Тарфе, он у них самый сильный. Настоящий герой.

– И как же нам поступить? Как спастись? Ведь он великан!

– Я помолюсь, – сказала Изабелла, – а наш лучший рыцарь Гарсиласо де ла Вега примет вызов Тарфе.

И так же спокойно, как сделала бы это в своей часовне в Кордове, Изабелла преклонила колени на крыше крестьянского дома, жестом приказав дочерям поступить так же. Хуана, хоть и неохотно, подчинилась первой, за ней последовали Исабель и Мария. Каталина, подглядывая сквозь сомкнутые ресницы, видела, что Мария дрожит от страха, а Исабель в своем черном вдовьем наряде (муж ее, португальский принц, недавно умер) бледна как смерть.

– Отец Небесный, мы молимся за наше спасение, за наше дело, за нашу армию. – Королева Изабелла подняла взор к ярко-синему январскому небу. – В этот час испытаний мы молимся за победу нашего рыцаря Гарсиласо де ла Веги...

– Аминь, – выдохнули принцессы и вслед матери посмотрели на ряды застывших в напряженном ожидании испанских гвардейцев.

– Но если Господь за нас... – начала было Каталина.

– Тихо, – остановила ее мать. – Пусть рыцарь делает свое дело, Господь – свое, я – свое... –

И закрыла глаза в молитве.

Тогда Каталина потянула за рукав Исабель:

– Послушай, ежели он под защитой Господа, то как же он может быть в опасности?

– Господь посылает испытания, чтобы испытать нас. Те, кого Господь любит больше всех, больше всех и страдают. Мне ль этого не знать. Мне, потерявшей единственную любовь в своей жизни! Да и ты это знаешь. Вспомни Иова, Каталина.

– Тогда как же мы победим? – удивилась девочка. – Если это так, то раз Господь любит маме, значит Он пошлет ей худшие испытания? И как же мы тогда победим?

– Тихо, – угомонила их мать. – Смотрите и молитесь всем сердцем.

Противники выстроились рядами друг против друга, готовые вступить в бой, – испанские гвардейцы против отряда арабских конников. Великан Тарфе выступил вперед на своем черном строевом коне, на кончике черного блестящего хвоста которого болталось что-то белое. Испанцы, стоявшие в первом ряду, взвыли от возмущения, распознав, что это такое. То была та самая дощечка с надписью «AVE MARIA», которую дон Эрнандо пригвоздил рукояткой кинжала к воротам гранадской мечети.

Самым оскорбительным образом Тарфе привязал дощечку к хвосту своего коня и теперь ездил взад-вперед перед рядами христиан, довольно ухмыляясь всякий раз, как они взывали от ярости.

Де ла Вега поскакал к маленькому оливковому деревцу, росшему рядом с домом, на крыше которого находились королева с принцессами. Со всех сторон дом был плотно окружен гвардейцами охраны. У деревца рыцарь осадил коня, снял свой шлем и посмотрел на королеву. Курчавые волосы его были черны, лицо сверкало каплями пота, темные глаза горели гневом.

– Ваше величество, прошу позволения ответить на вызов!

– Ступайте с Богом, де ла Вега! – не дрогнув, ответила королева.

– Великан убьет его, – пробормотала Каталина, крепко вцепившись в руку матери.

– Да свершится воля Господня, – ровным голосом ответила Изабелла и прикрыла свои голубые глаза, чтобы сосредоточиться на молитве.

– Маме! Государыня! Он же великан! Он убьет нашего рыцаря!

Королева, вздохнув, опустила взгляд на разгоревшееся волнением лицо готовой заплакать дочки.

– Будет так, как хочет Господь, – твердо сказала она. – А нам остается только верить, что мы исполняем Его волю. Иногда бывает трудно понять происходящее, но, если ты неуклонно следуешь Ему, никогда не сделаешь того, что идет вразрез с честью. Запомни это, Каталина. Победим мы в этом поединке или проиграем, значения не имеет. Мы – солдаты Христа. И ты – солдат Христа. Эта битва – битва Господня. Он пошлет нам победу – не сегодня, так завтра. И кто бы ни победил сегодня, мы не сомневаемся, что в любом случае победит Господь, и мы вместе с Ним.

– Но де ла Вега... – дрожа нижней губкой, возразила принцесса.

– Никто не знает, угодно ли Господу сегодня прибрать его к Себе, – спокойно сказала королева. – Нам должно молиться за него.

Хуана скорчила рожицу, глядя на сестру, но, когда мать вновь преклонила колени, девочки взялись за руки, утешая друг друга. Исабель, самая старшая, и Мария опустились рядом. Сквозь прикрытые ресницы они смотрели на равнину, где гнедой жеребец де ла Веги гарцевал перед рядами испанцев, тогда как перед сарацинами гордо выступал черный конь мавра.

Королева не открывала глаз и была так погружена в молитву, что даже не слышала, как противники заняли исходную позицию, опустили забрала и изготовили копья к бою.

Каталина вскочила на ноги, перегнулась через низкий парапет крыши, чтобы лучше видеть де ла Вегу, конь которого уже мчался на врага. Мавр на своем черном скакуне столь же прытко скакал ему навстречу. Когда противники столкнулись, до зрительниц донесся громкий лязг, оба бойца с грохотом вылетели из седел и рухнули наземь, древки копий переломились, нагрудные доспехи помялись. Ничего похожего на те церемонные турниры, которые велись при дворе! Целью этой грубой, варварской стычки была отнюдь не демонстрация ловкости и боевого умения. Бой был не на жизнь, а на смерть – требовалось сломать противнику шею, выбить из него дух.

– Ах, он упал! Он умер! – вскрикнула Каталина.

– Нет, оглушен всего лишь, – поправила ее мать. – Смотри, он уже встает.

Шатаясь от страшного удара, испанец нетвердо поднялся на ноги. Мавр, крупнее и выше ростом, был уже наготове, шлем и нагрудник сдвинулись набок, огромная сабля обнажена и сверкает заточенным, как бритва, клинком. Эрнандо вытащил из ножен свою саблю. И вот они сошлись и, сцепив лезвия, изо всех сил пытаются повергнуть врага наземь. Ни у кого из наблюдающих схватку не возникло сомнения, что у мавра несомненное превосходство в силе. Зритель не мог не видеть, что де ла Вега понемногу сдает: мавр давил на него всей своей мощью, и тут де ла Вега, споткнувшись, упал. Черный рыцарь немедля пригвоздил его, навалясь сверху, не давая встать. Рука испанца сомкнулась на рукоятке меча, но поднять его он не мог. Мавр же, готовясь нанести смертельный удар, занес свою саблю над горлом противника. Лицо его было сосредоточенно, зубы обнажены в оскале. И вдруг, когда все, замерев, ждали страшного конца, он коротко вскрикнул и упал навзничь. Де ла Вега меж тем перекатился на грудь и резким толчком тела, как пес, встал на колени. В левой руке он сжимал обагренный кровью короткий кинжал. Похоже, в последнюю минуту каким-то чудом ему удалось достать из ножен клинок и вонзить его в грудь мавра, попав между пластин доспеха.

Поверженный Тарфе лупил рукой по нагруднику, пытаясь ощупать грудь. Сабля его валялась рядом. Ценой нечеловеческого усилия он поднялся на ноги, повернулся спиной к христианину и, шатаясь, направился к своим.

– Я побежден, – пробормотал он товарищам, кинувшимся его поддержать, – мы проиграли.

Гарсиласо торжествовал. Он наколот дощечку с надписью «AVE MARIA» на острие своего меча и под ликующие крики испанцев стоял, высоко подняв его над головой.

Тут как по сигналу ворота Красной крепости распахнулись, оттуда хлынуло войско. Хуана вскочила на ноги.

– Мадре, надо бежать! – крикнула она. – Они идут! Все пропало!

Изабелла не поднялась с колен, даже когда ее дочь бросилась к лестнице, ведущей вниз.

– Хуана, вернись! – приказала она голосом, прозвучавшим словно удар хлыста. – Дети мои, молитесь.

Она подошла к парапету и сначала посмотрела на то, как ее армия под команды офицеров перестраивает свои ряды, занимая позиции, необходимые для отпора, меж тем как мавров с

ужасающей скоростью прибывало – они рекой текли из ворот крепости. И только потом она глянула вниз, где Хуана выглядывала из-за садовой стены в нерешительности: то ли бежать к лошади, то ли вернуться к матери.

Изабелла, ничего не сказав Хуане, снова встала на колени и со словами «Будем молиться» закрыла глаза.

– Нет, ну даже не посмотрела! – никак не могла успокоиться Хуана, когда, вернувшись в лагерь, они переодевались у себя в комнате. – Мы оказались прямо посреди битвы, а она закрывает глаза!

– Матушка знает, что разумней и полезней хорошенько воззвать к Богу, чем бегать и реветь, – возразила старшая, Исабель. – Один ее вид, то, что она стоит на коленях и молится у всех на глазах, придавал солдатам уверенности!

– А если б в нее попала стрела или копье?

– Не попала же! И в нас не попала. И мы выиграли сражение. А ты, Хуана, вела себя как полоумная простолоудинка. Мне было стыдно за тебя.

День за днем мавры теряли присутствие духа. Стычка у деревушки Субия получила среди христианских воинов название «Перестрелка королевы». Она оказалась последней попыткой сопротивления. Самый могучий воин погиб, город окружен, мавры голодали на земле, которую их предки сделали плодородной. Хуже того, обещанная поддержка из Африки не пришла ни от правителя Египта, ни от эмиров Марокко; турки хотя и клялись в дружбе, но подвели, султан не решился послать помощь, поскольку сын его находился в заложниках у христиан. Под стенами же стояли испанские короли, Изабелла и Фердинанд, поддерживаемые всей мощью христианства. И вот уже была объявлена священная война. Движение крестоносцев при первом дуновении победы стало всю набирать силу. Итак, после «Перестрелки королевы» Боабдил, эмир Гранады, согласился на условия перемирия, и несколько дней спустя, в ходе церемонии, задуманной с присущими испанским маврам тактом и пониманием важности момента, он пешком вышел из кованых ворот города, держа в руках шелковую подушку с ключами от Альгамбры, и преподнес их католическим королям. Это означало капитуляцию – полную и безоговорочную.

Таким образом, Гранада и высаящаяся над ней крепость, а также восхитительный дворец, кроющийся за ее стенами, стали собственностью Фердинанда и Изабеллы.

Наряженные в великолепные шелка, полученные от поверженного врага, в тюбанах и шлепанцах, картинные, как калифы, испанские короли всем семейством вошли в Гранаду. Извилистой, круто взбирающейся вверх дорожкой взойдя с родителями в самый прекрасный дворец в Европе, инфанта Испанская и принцесса Уэльская Каталина спала той ночью в гареме, стены которого были украшены красивейшими изразцами, и проснулась под журчание воды в мраморных фонтанах.

Это стало моей жизнью с самого дня победы. Рожденная в военном лагере, следуя за армией от осады к осаде, от битвы к битве, я видывала такое, что не пристало видеть ребенку, ежедневно сталкивалась со страхами и тревогами взрослых. Бывало, едучи верхом, видела тела убитых солдат, разлагающиеся на весеннем солнце, потому что похоронить их не было времени. Видела мулов, тащивших по горным перевалам пушки моего отца, и мулы те были исполосованы кнутами до того, что, живые, они выглядели освежеванными. Видела, как однажды моя мать дала пощечину солдату, который плакал от усталости. Слышала, как рыдали дети, такие же как я, когда их родителей жгли на кострах как еретиков. Но с того момента, как, наряженные в вышитые шелка, мы вошли в Красную крепость Гранады, а потом и в ворота Альгамбры, с того момента я стала настоящей принцессой.

Я стала жить в самом красивом дворце христианского мира, защищенном стенами самой неприступной крепости в Европе, под сенью Божьего благословения. Вера моя в Бога, приведшего нас к победе, и без того огромная, была теперь непререкаема, и я твердо поверила в свою судьбу, судьбу любимейшего создания Господа и любимейшей матушкиной дочки.

В моих глазах Альгамбра явилась доказательством того, что Божественное провидение покровительствует мне так же, как покровительствует оно моей матери. Я – избранное дитя Господа, мой дом – дивный дворец, и мне предназначена высокая, самая высокая участь.

В сопровождении свиты и гвардии – все разряжены с восточной пышностью – испанская королевская семья вступила в крепость через ворота, именуемые вратами Правосудия, над которыми высилась огромная квадратная башня. В тот момент, когда тень первой арки пала на лицо Изабеллы, раздался нестройный вопль труб, подобный тому, каким Иисус Навин разрушил стены Иерихона, – вопль, предназначенный прогнать таящихся в темноте духов неверных. Тут же отозвалось эхо – устрашающий, вызывающий дрожь звук, и люди, собравшиеся на встречу христианских величеств, вжалась спинами в золоченые стены. Женщины в широких платьях с полузакрытыми прозрачными шарфами лицами, мужчины, высокие, гордые, статные, молчаливо, настороженно ждущие, как завоеватели поступят дальше. Каталина, глядя поверх голов, заметила летящие арабские письма на тусклом золоте стен.

– Что там написано? – спросила она свою няньку Мадиллу.

Та, взглядевшись, хмуро ответила:

– Не знаю. – Она вечно прикидывалась, что знать не знает ни о маврах, ни об их образе жизни, хотя родилась и выросла в арабской семье, а крестилась, по утверждению Хуаны, только потому, что сочла это выгодным для себя.

– Скажи, или мы тебя зацепим! – ласково пригрозила Хуана.

Мориска нахмурилась:

– Тут говорится: «По воле Аллаха да защитим устои ислама в этих стенах!»

Каталина примолкла, заслышав в голосе служанки ту же глубокую убежденность, которой отличалась ее мать, а Хуана резко сказала:

– Не вышло! Аллах покинул Альгамбру. Здесь теперь Изабелла! И если б вы, мавры, знали Изабеллу, как знаем ее мы, вы бы поняли, что слабый уступил сильному!

– Спаси Господь королеву, – торопливо отозвалась Мадилла. – Мне ли ее не знать!

В это время распахнулись огромные створки из черного дерева с черными шляпками гвоздей, снова оглушительно взвыли трубы, и король с королевой проследовали во внутренний двор.

Слаженно, точно исполняя хорошо заученный танец, испанские гвардейцы один за другим, топая в лад, вбежали внутрь крепости и начали обход вдоль стен справа и слева, проверяя, все ли безопасно, не таится ли где отчаявшийся мусульманский воин, готовый нанести последний удар и умереть, сражаясь. Великая крепость Алькасаба, выстроенная как нос корабля, плывущего над долиной Гранады, стояла слева, и испанцы кинулись туда. Они обежали по периметру стены, поднялись на башни, и наконец королева Изабелла, зазвенев золотыми мавританскими браслетами, прикрыв глаза от солнца, взглянула вверх и засмеялась в голос при виде того, как на месте мусульманского полумесяца затрепетал на легком ветерке стяг святого Иакова с серебряным крестом.

Вернувшись взором на землю, она увидела, что к ней приближается процессия дворцовой челяди. Побежденные шли медленно, со склоненными головами. Во главе их выступал великий визирь в развевающихся одеждах, которые подчеркивали статность его высокой фигуры. Проницательным взором черных глаз он охватил ее, Изабеллу, отметил стоящего рядом короля и детей, выстроившихся за ее спиной, – четырех принцесс и инфанта. Царственная семья была разряжена с необыкновенной пышностью: король и наследный принц в расшитых золотом

халатах, королева с принцессами – в традиционных длинных, ниже колен, рубахах-камизах из лучшего шелка и белых льняных шальварах, а на головах – покрывала с заколками из золотой скани.

– Ваше королевское величество, для меня высокая честь приветствовать вас в Альгамбре, – произнес он так, словно это было обычнейшее из дел – преподнести ключи от дворца эмиров завоевателям-христианам.

Король с королевой обменялись коротким взглядом.

– Показывайте дорогу, – сказала Изабелла.

Великий визирь поклонился и пошел вперед.

– Пойдемте, дети, – через плечо приказала королева и первой направилась по аллеям сада, окружающего дворец, вниз по ступенькам, прямо к неприметной дверце в стене.

– Это что, главный вход? – спросила она.

– Да, государыня, – поклонился визирь.

Изабелла промолчала, но Каталина видела, как она скептически вскинула бровь.

Неприметная дверь оказалась чем-то вроде замочной скважины в шкатулку с драгоценностями, когда, заглянув в один ящичек, видишь дверцу в другой, а оттуда – в третий, и визирь вел нас по ним, как слуга – по сокровищнице. Одни названия чего стоили! Золотая палата, Миртовый дворик, Посольский зал, Львиный дворик, зал Двух сестер. Понадобятся недели, чтобы запомнить, как лестницами, двориками и переходами пройти из одной выложенной изразцами комнаты в другую. Месяцы, чтобы привыкнуть к журчанию мраморных водостоков, проведенных в комнаты, откуда чистейшая горная вода стекает в белые чаши фонтана, всегда полные, всегда льющиеся через край. И никогда не устану я от зрелища расстилающейся внизу долины с горами вдали, синего неба и золотистых холмов. Каждое окно, украшенное каменным кружевом неправдоподобно тонкой работы, словно рама картины, приглашает остановиться, взглянуть, восхититься...

Нас с сестрами поселили в гареме, сочтя его самым удобным для нас помещением. Прохладными вечерами слуги зажигают жаровни, подсыпая на угли ароматные травы... Дома мы всегда в мавританском платье, и во время государственных приемов тоже, так что жизнь идет под шорох шелков и шлепанье туфель без задников по мраморному полу, словно во дворце ничего не поменялось. Наши классные комнаты – там, где была читальня наложниц, мы гуляем по садам, разбитым для того, чтобы услаждать взор любимых жен эмира. Мы едим те же фрукты, что и они, нам нравится вкус шербета, мы тоже плетем венки из цветов, чтобы украсить себя, и бегаем по дорожкам, наполненным густым запахом жимолости и роз.

Нас моют в хамаме, бане, и делается это так: мы стоим тихо, как вкопанные, а служанки нас мылят, с головы до пят, чудесным мылом, которое пахнет цветами. Потом они обливают нас горячей водой из золотых кувшинов, тоже с головы до ног, пока пена не смоется. Потом, умощенные розовым маслом, завернутые в тонкие простыни, полусонные от удовольствия, мы лежим на теплом – его подогревают – мраморном столе, который занимает почти всю комнату, под золотым потолком с проделанными в нем звездчатыми отверстиями, что впускают в тенистую, покойную комнату дразнящие лучи света. Одна молоденькая прислужница приводит в порядок пальчики на ногах, другая – на руках, придает ногтям форму, выводит на них тонкие, затейливые узоры хной. Пожилая служанка выщипывает нам брови, красит ресницы. Нам служат, как султаншам, к нашим услугам все богатства Испании, вся роскошь Востока. Мы всецело, полностью отдаемся дворцовой неге. Она побеждает нас, берет в плен. Зачарованные, мы целиком и полностью подчиняемся ей.

Даже к Исабель, которая горюет по своему мужу, вернулась улыбка. Даже вечно надутая Хуана, кажется, умиротворена. А я – я становлюсь любимицей всего двора: меня балуют и садовники, позволяют срывать те персики, которые я хочу, и в гареме, где меня учат петь,

танцевать и играть на музыкальных инструментах, и на кухне, где позволяют смотреть, как готовятся восточные сладости.

Отец встречается с иностранными посланниками в Посольском зале, еще они иногда, как принято у эмиров, беседуют в бане. Матушка, по-турецки скрестя ноги, сидит на троне Насридов, которые правили здесь веками, – голые ступни в мягких шлепанцах из сафьяна, рубаха-камиза свободными складками драпирует тело. В зале, облицованном цветным изразцом с изящными арабесками и летящими надписями, она выслушивает посланников самого Папы. Матушка здесь как дома, ведь она выросла в мавританском дворце Алькасар в Севилье. Мы бродим по их садам, моемся в их банях-хамамах, носим их надушенные сафьяновые туфли... В целом наше существование здесь столь изысканно и роскошно, что в Париже, Лондоне или Риме о такой жизни могут только мечтать. Мы живем сладостно и грациозно. Так, как всегда стремились: как мавры. Собратья-христиане в горах пасут коз, молятся Мадонне в придорожных часовнях, тела их страдают от болезней, они невежественны, полны суеверий, живут в грязи и умирают молодыми. А нам преподают мусульманские ученые, нас лечат их врачи-врачеватели, мы заучиваем названия звезд в небе, которым они дали имена, ведем счет, пользуясь цифрами, которые они придумали, начиная с магического нуля, вкушаем выращенные ими сладчайшие фрукты и наслаждаемся водой, протекающей по хитро построенным ими акведукам. Возведенные ими строения радуют взор своей красотой. Былое могущество мавров нам на пользу: Алькасаба и впрямь неуязвима для новой атаки. Мы читаем стихи их поэтов, играем в придуманные ими игры... Мы победили, но они показывают нам, как должно правителям жить. Порой я думаю, что мы варвары, подобные тем, что пришли после римлян и греков. Те силой врывались во дворцы, а потом садились на трон, как мартышки, и наслаждались прекрасным, не понимая его.

Но, по крайней мере, мы не сменили своей веры. Самый последний слуга во дворце обязан хотя бы сделать вид, что исповедует христианство. Голоса муэдзинов, созывающие правоверных к молитве, больше не звучат с минаретов. Это приказ моей матери. Не хочешь подчиниться – уезжай в Африку. Не хочешь уезжать – либо немедля крестись, либо сгоришь на костре инквизиции. Удобная, покойная жизнь не смягчила наших сердец, мы помним, кто тут победитель и что победа далась нам силой оружия и Господней волей. При заключении перемирия мы торжественно обещали бедному Боабдилу, что его подданные-мусульмане будут столь же покойно жить при нашем правлении, как жили христиане, когда правил он. Мы обещали обеспечить сосуществование, и он поверил, что мы создадим такую Испанию, где все – мавр, христианин или иудей – смогут жить в мире и согласии, поскольку все они являются «людьми Книги». Ошибка Боабдила состояла в том, что он свято верил в условия перемирия, а мы, как выяснилось, нет.

Всего три месяца держали мы свое слово, а потом выдворили евреев и принялись угрожать мусульманам. Каждый должен обратиться в истинную веру, и, если он сделает это, но в искренности его намерений возникнет хоть тень сомнения, дело святой инквизиции с ним разобраться. Только единая вера создаст нацию, единый народ из пестрого разнобоя, населяющего Андалузию. Моя мать устроила часовню в зале Совета, и там, где вилась арабская вязь, гласящая: «Войди и спроси. Не бойся искать правосудия, ибо здесь ты найдешь его», она молится суровому, более грозному, чем Аллах, Богу; за правосудием сюда больше не ходят.

Но изменить природу дворца невозможно. Даже сапоги наших солдат, грохочущие по мраморным плитам пола, не в силах поколебать царящий здесь вековой покой. Я прошу Мадиллу прочесть для меня надписи, вьющиеся по стенам каждой комнаты, и самая моя любимая – не про обещание правосудия. Та, что мне нравится, находится в зале Двух сестер и вопрошает: «Видывал ли ты сад прекраснее этого?» – и сама же отвечает себе: «Нет на свете сада прекрасней, изобильней плодами, слаще и благоуханней».

Это даже не совсем дворец, он не такой, как те, где мы жили в Кордове или Гренаде. Это и не замок, и не крепость. Он строился изначально прежде всего как сад, а комнаты здесь, со всей их роскошью, для того, чтобы было где жить в саду. Это цепочка двориков, устроенных так, чтоб удобно было и цветам, и людям. Это воплощенная в жизнь мечта о красоте: стены, изразцы, колонны представляют собой подобие растительного мира, все оплетено цветами, ползучими растениями, ветками фруктовых деревьев и травами. Истратив за столетия огромные средства, мавры создали этот рай на земле.

Да, и я его люблю. Даже девочкой я понимаю, что это необыкновенное место, что никогда в жизни мне не найти ничего прекрасней. Но я знаю, что остаться здесь мне нельзя. Это воля Господа и моей матери – я покину мой тайный дворец, мой сад, мой рай. Такова моя участь. Мне было суждено в шесть лет от роду найти самое красивое место на земле, а потом, в шестнадцать, покинуть его с той же тоской в сердце, какая мучила Боабдила. Моему счастью и покою не суждено длиться долго.

Дворец Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года

– Говорю вам, сэ, сюда нельзя! Да будь вы хоть сам король Англии, все равно нельзя!

– Я и есть король Англии, – без тени юмора проговорил Генрих Тюдор. – И пусть она немедленно явится, не то я войду к ней сам, и мой сын следом за мной!

– Инфанта уже отправила письмо королю, где уведомила, что не может его принять, – испепеляя его взглядом, сказала дуэнья. – Дворянин из свиты ее высочества поскакал ко двору его величества, дабы объяснить, что испанской принцессе до свадьбы полагается жить уединенно. Неужто вы думаете, сэ, что король Англии сядет на коня и примчится, когда инфанта отказалась его принять? Что он за человек, по-вашему?

– Вот такой он человек! – рявкнул король и к самым ее глазам поднес кулак так, чтобы она увидела массивный золотой перстень.

Тут в комнату вбежал граф де Кабра, сразу признавший короля в поджаром сорокалетнем мужчине, который, простирая кулак, наседавал на дуэнью. Однако и дуэнья успела разглядеть на перстне новый герб Англии, сочетавший в себе розы Йорка и Ланкастера. Граф склонился в низком поклоне и голосом, сдавленным оттого, что голова его уткнулась в колено, прошипел:

– Мадам, это же король!

Дуэнья тихо ахнула и сделала самый глубокий реверанс.

– Встаньте, – коротко приказал король, – и приведите ее!

– Но, ваше величество, она испанская принцесса, – встав из поклона, но не подняв, из почтения, головы, возразила упрямая дуэнья. – Полагается, чтобы ее высочество оставалась в уединении до самого дня свадьбы. Ее нельзя видеть. Придворный кабальеро как раз и отправился к вам, чтобы это объяснить. Таков обычай.

– Это ваш обычай, не мой. А поскольку она моя будущая невестка, находится в моей стране и под покровительством моих законов, то пусть изволит следовать моим обычаям!

– Ее высочество воспитана в самых строгих правилах...

– В таком случае ее высочеству наверняка будет крайне неприятно обнаружить в своей опочивальне незнакомого мужчину. Мадам, еще раз настоятельно прошу вас немедленно привести принцессу.

– Увольте, ваше величество. Я выполняю приказы ее величества королевы Испании, и мне велено проследить, чтобы инфанте были оказаны все подобающие почести, а поведение ее безупречно...

– Мадам, приказы здесь отдаю я. Говорю вам, довольно медлить, приведите принцессу, не то, короной клянусь, я пойду к ней сам, и, если застану голой в постели, заметьте, она будет отнюдь не первой дамой, которую я застал в таком положении. Но пусть помолится, чтобы оказалась самой хорошенькой!

От нанесенного оскорбления дуэнья переменялась в лице.

– Ну, выбирайте! – твердо сказал король.

– Привести инфанту я не могу, – упрямо ответила она.

– Господи боже ты мой! Ну, значит, скажите ей, чтобы ждала гостей!

Рассерженной вороной дуэнья кинулась в покои принцессы. Король выждал не более полуминуты и последовал за ней.

Комната была освещена свечами и огнем в очаге. Покрывала на постели откинута так, словно с нее вскочили в испуге. От присутствия в девичьей опочивальне – простыни еще теплые, аромат юного тела витает в воздухе – Генрих почувствовал знакомое волнение в крови. Сама принцесса стояла у кровати, вцепившись беленькой ручкой в резной столбик полога. Успела-таки накинуть на плечи темно-синий плащ, у ворота выбились тонкие кружева белой

ночной рубашки, густые золотистые волосы заплетены на ночь в косу, закинутую на спину, лицо полностью спрятано черной кружевной мантильей.

– Ваше величество, это инфанта. – Донья Эльвира заслонила собой принцессу. – Под вуалью она будет до самого дня свадьбы.

– Ну уж нет, – сухо отозвался король. – Я должен знать, как выглядит невеста моего сына. Он сделал шаг вперед. Дуэнья в отчаянии только что не бросилась на колени:

– Прошу вас пощадить скромность ее высочества...

– У нее что, какой-то изъян? – резко сказал он, облекая в слова пугавшую его мысль. – Родимое пятно? Или изъязвлена оспой, а от меня это скрыли?

– Нет! Клянусь вам!

Девушка молча поднесла руку к кружевной оборке вуали. Дуэнья ахнула, протестуя, но ничего не предприняла, и принцесса, подняв мантилью с лица, откинула ее за спину. Ясные голубые глаза не мигая уставились на морщинистую, сердитую физиономию Генриха Тюдора. Король окинул ее взглядом и перевел дух.

Настоящая красавица! Округлое лицо с чистой кожей, длинный прямой нос, пухлые, чувственные губы. Подбородок чуть вздернут, взгляд вызывающий. Ничуть не скромница, не трепетная лань. Настоящая прирожденная принцесса, из тех, кто не теряет достоинства даже в столь неловком, неблагоприятном положении, как сейчас.

Склонившись в поклоне, он представился:

– Я – Генрих Тюдор, король Англии.

Принцесса присела в реверансе.

Он сделал шаг вперед, к ней, и почувствовал, как она силой воли удерживает себя, чтобы не отшатнуться. Твердо взял за плечи и поцеловал, сначала в одну теплую щеку, потом в другую. А когда от запаха ее волос и жара молодого женского тела у него застучало в висках, торопливо отступил, отпустил ее.

– Добро пожаловать в Англию, – сказал он и покашлял, прочищая горло. – Вы должны простить мне мое нетерпеливое желание вас увидеть. Мой сын следует за мной.

– Это я прошу прощения у вашего величества, – ледяным тоном ответила принцесса на церемонном, велеречивом французском. – О том, что ваше величество действительно удостаивает нас чести этого неожиданного визита, меня поставили в известность лишь минуту назад.

Генрих даже поежился:

– У меня есть право...

Очень по-испански она пожала плечами:

– Разумеется. У вас есть все права на меня!

От дерзкого ответа, который в интимной атмосфере девичьей спальни – кровати под балдахин, маняще откинутых одеял, подушки, еще хранящей отпечаток ее головы, – прозвучал довольно вызывающе, его снова окатило желанием. То была сцена, пригодная скорее для обольщения, чем для знакомства двух царственных особ.

– Я подожду вас в приемной, – резко сказал он, словно это по ее вине не мог избавиться от мысли – каково было бы сжать в объятиях юную красотку... Каково было бы купить ее для себя, не для сына?

– Сделайте одолжение, – холодно отозвалась она.

Он развернулся и вышел из комнаты так резко, что едва не столкнулся с принцем Артуром, который неуверенно топтался в дверях.

– Осел, – буркнул король.

Принц, бледный от волнения, нервно откинул упавшую на лоб светлую прядь и промолчал.

– Чертову дуэнью отошлю прочь, едва появится случай, – сказал король. – И всех остальных тоже. Нечего мне тут Испанию разводить! Народ этого не потерпит, да и я, черт побери, тоже!

– Народ вроде не против. Похоже, простому люду принцесса нравится, – вяло возразил Артур. – Люди из эскорта говорят...

– Это потому, что она носит эту дурацкую шляпу. Потому что зрелище непривычное. Как же, испанка! Потому что молоденькая и... – он запнулся, – и хорошенькая!

– Правда? – оживился принц. – Хорошенькая?

– Разве я только что не вошел туда, чтобы это проверить? Однако ни один англичанин, сын мой, не потерпит этих испанских глупостей, едва они потеряют свою новизну. И я, понятно, не потерплю. Цель этого брака – закрепить союз между нашими странами, а потому, нравится испанка кому-нибудь или нет, ты на ней женишься. И лучше бы ей уже выйти, не то она мне не понравится, а это единственное, что может иметь значение!

Да, придется выйти. Я выиграла только краткую передышку и знаю, что он ждет за дверью в мою опочивальню, только что показав всем, и с большим апломбом, что, если я не выйду к нему, гора пойдет к Магомету, и тогда я снова окажусь в ужасном положении.

Я отстраняю донью Эльвиру, дуэнья мне больше не защита, и иду к двери. Слуги мои остолбенели, окаменели, словно рабы в арабской сказке. Они изумлены неслыханными манерами английского короля. Сердце мое стучит так, что отдается в ушах, и я в этот миг не только девица, страшась выйти на люди, но и солдат, рвущийся в бой, сгорающий от жгучего зова опасности, желающий не бежать от нее, а оказаться перед ней лицом к лицу.

Генрих Английский желает, чтобы я встретила с его сыном в присутствии его дорожного конвоя, без церемоний, не соблюдая приличий, словно мы горстка крестьян. Что ж, быть по сему. Принцесса Испанская не допустит, чтобы кто-то заметил ее страх. Я сжимаю зубы и улыбаюсь так, как учила меня мать.

Киваю герольду, который сбит с толку не меньше других:

– Объявляй мой выход!

Сам не свой, он распахивает двери и заученно возглашает:

– Инфанта Каталина, принцесса Испанская и Уэльская!

Это я. Настал миг моего торжества.

И я делаю шаг вперед.

Инфанта Испанская, с лицом, открытым всякому взору, замерев на мгновение в темном дверном проеме, проследовала в комнату, и лишь алый румянец, загоревшийся на щеках, выдавал, чего это ей стоит. Принц Артур, стоявший подле отца, перевел дух. Оказалось, она в тысячу раз красивей, чем он ожидал, и в миллион раз надменней. На ней платье из черного бархата, с разрезом, в котором виднелась красная юбка, квадратный вырез лифа не скрывал увешанной нитками жемчуга пышной груди. Золотистые волосы волной спускались по спине. На головке черная кружевная мантилья, демонстративно закинута за плечи. Грациозная, как танцовщица, принцесса низко склонилась в реверансе и поднялась с высоко вскинутой головой.

– Прошу простить, что оказалась не готова приветствовать ваше величество, – произнесла она по-французски. – Знай я о вашем приезде заранее, непременно бы подготовилась.

– Странно, что вы не слышали шума, – ответил король, – ведь мы добрых десять минут спорили у самых ваших дверей.

– Да, но я думала, это бранятся слуги! – парировала она.

Артур невольно открыл рот, услышав такую дерзость, однако отец его смотрел на невестку с улыбкой, словно одобряя в ней присутствие духа.

– Отнюдь. Это я осаждал вашу камеристку. Еще раз прошу меня извинить за вторжение. Она наклонила голову:

– Это моя дуэнья, донья Эльвира. Сожалею, что она вызвала ваше неудовольствие. Ее английский не очень хорош. Возможно, она не уразумела, что именно вам угодно.

– Мне угодно было увидеть мою невестку, а моему сыну было угодно увидеть свою невесту, и я полагал, что английская принцесса будет вести себя как английская принцесса, а не как девица, возвращенная в гареме, черт его побери! Мне-то казалось, ваши родители победили мавров. Кто б мог подумать, что они возьмут этих нечестивцев за образец для подражания!

Она пропустила оскорбление мимо ушей.

– Очень надеюсь, что ваше величество научит меня хорошим манерам, как их понимают в Англии. Уверена, лучше вас мне учителя не найти... – И, повернувшись к принцу Артуру, отвесила ему реверанс, который причитается королям: – Милорд!

Дивясь на то, как безмятежно она держится, принц слегка замешкался с ответным приветствием. Потом полез в карман за приготовленным для невесты подарком, повозился, вытягивая мешочек с драгоценностями, уронил, поднял и наконец, чувствуя себя полным дураком, резко протянул ей.

Она приняла дар, наклонила голову в благодарность, но смотреть, что там в мешочке, не стала.

– Вы уже ужинали, ваше величество?

– Поужинаем здесь, – отрезал король. – Я уже распорядился.

– Тогда не позволите ли предложить вам питье? Или предпочтете помыться и сменить платье? – И сверху вниз окинула его взглядом: бледное лицо в брызгах дорожной грязи, пыльные сапоги. Надо признать, англичане чистоплотностью не отличаются, ни в одном доме из тех, где они останавливались, даже таком роскошном, как этот, нет ни пристойной бани-хаммама, ни даже проведенной воды. – Или, может статься, вы не любите мыться?

Король фыркнул:

– Прикажите налить мне эля, и пусть в мои покои пришлют смену одежды и горячей воды! – И добавил, жестом отмечая то, что она могла бы сказать: – Только не принимайте это за комплимент. Я перед ужином всегда моюсь.

Артур заметил, как мелкие белые зубки закусили нижнюю губку, словно принцесса удержала себя, чтобы не съязвить.

– Да, ваше величество, – любезно отозвалась она. – Как вам будет угодно.

И, подозвав придворную даму, вполголоса по-испански распорядилась. Выслушав, та присела в поклоне и пошла вперед, показывая королю дорогу.

Принцесса повернулась к Артуру.

– А вы? – спросила она по-латыни.

– Я? Что я? – растерялся он и почувствовал, что она сдерживает вздох нетерпения.

– Не угодно ль и вам помыться с дороги?

– Я уже мылся, – бездумно сказал он и чуть не провалился сквозь землю.

Ну прямо дитя, которое отчитывает нянька! Надо ж такое брякнуть! «Я уже мылся!» Может, руки ей еще протянуть, пусть проверит, нет ли грязи под ногтями?

– Тогда, может быть, стакан вина? Или эля? – И повела рукой в сторону стола, где слуги спешно выставляли напитки.

– Вина, пожалуй.

Одной рукой она подняла бокал, другой – бутылку, и стекло со звоном столкнулось: «дзинь!», а потом снова «дзинь-дзинь-дзинь!». В изумлении он осознал, что у нее дрожат руки. Она торопливо налила вина, протянула ему бокал. Оторвав взгляд от ее рук, он посмотрел в лицо своей нареченной.

Она не потешалась над ним, нет. Ей было неловко. Грубость, проявленная его отцом, подстегнула в ней гордость, но наедине с ним, Артуром, это была просто девочка, пусть несколькими месяцами старше его, и дочь самых могущественных монархов в Европе, но все равно – девочка, у которой сейчас от волнения дрожат руки.

– Не надо бояться, – тихо сказал он. – Я сожалею, что все так вышло.

Сожалеет, имел он в виду, что моя попытка избежать этой встречи не удалась, сожалеет о бестактности отца и о своей неспособности удержать его или смягчить и более всего прочего сожалеет о том, что вся эта история для меня сущее наказание.

Она опустила глаза. Он смотрел на чистую белую кожу, на золотые ресницы, на светлые, чуть заметные брови.

И тогда она взглянула ему прямо в лицо:

– Все в порядке. Бывала я в переделках пострашней этой, видывала места неприглядней, знавала людей похуже твоего отца. Не тревожься обо мне. Я решила ничего не бояться.

Никто никогда не узнает, чего мне стоило улыбаться, стоять перед твоим отцом и не трястись как осиновый лист. Мне нет еще шестнадцати, я вдали от матери, в чужой стране. Я не владею здешним языком, никого здесь не знаю. У меня нет друзей, со мной только свита, но от слуг моих нечего ждать защиты, они сами ждут ее от меня.

Я знаю, какова моя участь. Мне придется быть испанской принцессой для англичан и английской принцессой – для испанцев. Придется делать хорошую мину при плохой игре, изображать уверенность, когда внутри все дрожит от страха. Конечно, ты мой муж, но я не могу даже разглядеть тебя, я не чувствую твоего плеча рядом. У меня не было времени в тебе разобраться, все мои силы уходят на то, чтобы выглядеть той принцессой, которую твой отец купил, а моя мать продала, принцессой, которая олицетворяет собой прочность мирного договора между Англией и Испанией.

Никто не усомнится в том, что я воплощенное спокойствие, уверенность и грация. Конечно, мне страшно, но я никогда, ни за что этого не покажу.

Король, умывшись и выпив еще до ужина пару стаканов эля, дабы загладить первое впечатление, держался с принцессой дружелюбно. Раз или два она поймала его на том, что он искоса ее разглядывает, этак оценивающе, и тогда она повернулась к нему всем телом, вопрошительно вскинув золотистую бровь.

– Что такое? – удивился он.

– Прощу прощения, – как ни в чем не бывало отозвалась она, – я думала, вашему величеству что-то нужно. Вы на меня смотрели.

– Да, и думал о том, что ты не слишком похожа на свой портрет.

Она порозовела. Портреты пишутся для того, чтобы польстить модели, а когда эта модель – принцесса на рынке невест, то тем более.

– В жизни ты красивей, – односложно прибавил Генрих, чтоб успокоить ее. – Моложе, мягче, милее.

Она не поддавалась на похвалу, как он надеялся, только кивнула, словно приняла такое объяснение.

– Как прошло путешествие? Нелегко? – спросил он.

– Очень нелегко, ваше величество, – кивнула она и повернулась к принцу Артуру, включая его в разговор. – Наш корабль отнесло к берегу, когда в августе мы вышли из Корунны, так что пришлось пережить сезон бурь. Когда ж наконец снова отправились в путь, море по-

прежнему штормило, и в конце концов мы были вынуждены пристать в Плимуте. В Саутгемптон было не дойти. Никто не сомневался, что мы затонем...

– Что ж, посуху было не дойти, – сухо ответил Генрих, думая о распрях с Францией и недружелюбном настрое французского короля. – Из тебя получилась бы бесценная заложница, если б нашлся король столь бессердечный, чтобы захватить тебя в плен. Благодарение Богу, ты не досталась врагам.

– Надеюсь, этого не случится, – ответила она, со значением на него глянув.

– Что ж, теперь твои злключения позади, – произнес Генрих. – В следующий раз ты вступишь на борт королевского корабля, чтобы спуститься вниз по Темзе. Что думаешь о том, чтобы стать принцессой Уэльской?

– По правде сказать, государь, принцессой Уэльской я считаю себя с тех пор, как мне исполнилось три года, – поправила она. – Меня так и звали всегда, инфанта Каталина, принцесса Уэльская. Я знала, что это моя судьба. – Она бросила взгляд на Артура, который по-прежнему молча глядел в стол. – Вся мою жизнь я знала, что нам суждено пожениться. Вы были очень добры, принц, что писали мне письма так часто. Благодаря этому я думала, что мы не совсем чужие...

Принц Артур покраснел.

– Мне приказывали вам писать, – неловко выпалил он. – Это входило в мои домашние задания. Но мне нравилось получать ваши ответы.

– Господи милосердный, парень, ты и в самом деле не слишком остер! – одернул его отец. – Принцесса предпочла бы думать, что ты писал ей по собственному почину!

– Это не важно, – спокойно ответила Каталина. – Я тоже писала по приказу. И, говоря по чести, я предпочла бы, чтобы мы всегда говорили друг другу правду.

Король хмыкнул.

– Ну, и года не пройдет, как ты передумаешь, – предсказал он. – Станешь сторонницей вежливой лжи. Ибо лучшее средство сохранить брак – это находиться во взаимном неведении.

Артур послушно кивнул, но Каталина ограничилась улыбкой, говорившей, что его замечание, хотя и не лишено интереса, не обязательно истинно. Генрих почувствовал укол досады, особенно болезненный оттого, что огонь возбуждения, разожженный ее миловидностью, никак не гас.

– Возьму на себя смелость предположить, что твой отец не докладывает твоей матушке обо всем, что придет ему в голову, – сказал он, стараясь обратить ее взор на себя.

Это ему удалось. Голубые глаза принцессы одарили его долгим, внимательным взглядом.

– Возможно, ваше величество правы – и так оно и есть, – признала она. – Я этого знать не могу. Однако докладывает ли он матушке, нет ли, ей все равно все известно.

Он рассмеялся. Достоинство, с которым держалась эта девочка, макушкой не достававшая ему до груди, было просто очаровательно!

– Она что, ясновидящая, твоя мать? У нее дар провидения?

Принцесса не улыбнулась в ответ.

– Она мудрая, – просто сказала она. – Она самый мудрый монарх в Европе.

Он решил, что, во-первых, глупо смеяться над дочерними чувствами. Королева Испании и в самом деле женщина необыкновенная. Вся Европа знает, что жизнь ее проходит либо в походах, где, сидя на боевом коне, она нередко сама командует отрядами, либо в кабинете, за государственными бумагами. А во-вторых, бестактно указывать принцессе на то, что матушка ее хоть и объединила Кастилию и Арагон, но в Испании еще очень далеко до мира. О чем говорить – даже путешествию Каталины в Лондон чуть не помешали восстания мавров и евреев, поднятые против тирании католических королей. Генрих переменял тему.

– Почему бы тебе не показать нам, как ты танцуешь? – предложил он. – Или в Испании это запрещено тоже?

– Раз уж я английская принцесса, мне следует перенять ваши обычаи, – отозвалась Каталина. – Что вы скажете, государь, станет английская принцесса танцевать для короля посреди ночи после того, как он силой вошел в ее покои?

Генрих расхохотался:

– Станет, если у нее есть голова на плечах!

Она ответила ему сдержанной полуулыбкой.

– В таком случае я станцую с моими придворными дамами, – решила она.

Поднявшись с места, принцесса спустилась с возвышения, на котором стоял пиршественный стол, встала в центре комнаты и позвала Марию де Салинас. Хорошенькая темноволосая девушка бойко вышла вперед и встала рядом с принцессой. Подчеркнуто демонстрируя робость, что говорило о скрытом желании себя показать, выступили и три другие девицы.

Генрих с интересом их осмотрел. Он особо просил короля и королеву Испании, чтобы с принцессой прислали хорошеньких придворных дам, и теперь с немалым удовлетворением отмечал, что, каким бы грубым и безвкусным ни показалось им его требование, они все-таки ему подчинились. Все девушки были хороши, но ни одна не затмевала принцессу, которая теперь, после того как постояла, замерев, чтобы настроиться на танец, хлопком в ладоши приказала музыкантам начать игру.

Он сразу понял, что двигается она с грацией чувственной женщины. Танцевали они медленную, церемонную павану. С улыбкой на устах Каталина ступала, покачивая бедрами, полуприкрыв глаза. Нет спору, ее хорошо выучили, эту принцессу из страны, где танцы, пение и поэзия значат больше всего другого; однако же она танцевала так, словно позволяла музыке вести себя, а Генрих, у которого имелся некоторый опыт, полагал, что женщина, чуткая к музыке, отзывчива и на ритмы страсти.

И тут удовольствие, с которым он наблюдал павану, омрачилось мыслью о том, что эту редкую штучку, эту испанскую красотку, уложат в холодную постель Артура. Вряд ли его заучившийся, неповоротливый сынок сумеет возбудить и раздражить страсть в ней, созревшей, чтобы стать женщиной. Скорее всего, Артур будет неловок, нелеп и, наверно, причинит ей боль, а она, сцепив зубы, выполнит свой долг, как положено женщине и королеве, а затем, отчего нет, умрет родами; и всю процедуру поиска невесты Артуру придется претерпевать снова, безо всякого для него, Генриха, проку – потому что желание, которое она так явно в нем возбуждает, останется неутоленным. Да, она желанна, ничего не скажешь, и это отменное качество при дворе, украшением которого она станет. Но как же некстати, что она желанна ему самому!

Он отвел глаза от танцорок и утешился мыслью о приданом принцессы, от которого прок уж будет наверняка, и прок именно ему, Генриху, не то что от этой невесты, которая, похоже, так и будет его дразнить, но принадлежать его сыну. Однако в свадебном обозе за ней следует ее приданое, и это – целое состояние. Сразу после свадьбы казначей Каталины передаст ему первую выплату, чистым золотом. Через год поступит вторая – золотом, серебром и камнями. Генрих ценил деньги больше всего на свете, даже выше, чем трон, – ведь, имея деньги, трон можно купить, – и куда выше, чем женщин, потому что тех-то можно купить задешево. И уж конечно, он ценил деньги несравнимо выше, чем улыбку девственности-принцессы, с которой та, завершив свой танец глубоким реверансом, сейчас к нему приближалась.

– Ну что, ваше величество довольны? – раздумываясь, чуть запыхавшаяся, спросила она.

– Да, вполне, – ответил он, твердо решив, что Каталине никоим образом не следует знать, какие желания она возбуждает в нем. – Однако уже поздно, вам следует быть в постели. Завтра утром мы немного проводим вас, а потом поскачем вперед, в Лондон.

Резкость его ответа неприятно поразила Каталину. Она снова глянула на Артура, словно надеясь, что тот воспротивится планам отца – к примеру, выкажет желание провести с ней

последний отрезок пути, раз уж его отец так бахвалится отсутствием церемоний при английском дворе. Однако принц промолчал.

– Как будет угодно вашему величеству. – Она решила быть вежливой.

Король кивнул, поднялся из-за стола и направился к выходу, провожаемый низкими поклонами придворных. «Похоже, не такой уж ты противник церемоний, – думала Каталина, глядя, как английский король, высоко подняв голову, принимает положенные ему почести. – Распинаешься о походных манерах и солдатских привычках, однако настаиваешь на полном подчинении и выражении почтения... Впрочем, как и следует королю», – добавила дочь Изабеллы.

Артур последовал за отцом, бросив ей на прощание: «Спокойной ночи!» Через минуту все мужчины, состоявшие в свите, вышли из комнаты, оставив принцессу с дамами.

– Какой поразительный человек, – заметила она своей напернице Марии де Салинас.

– Вы ему понравились, ваше высочество, – сказала та. – Он очень пристально наблюдал за вами. Определенно понравились, да.

– Ну так что ж в этом удивительного? – отозвалась Каталина с врожденным высокомерием девочки, выросшей в самом могущественном из королевских домов Европы. – Впрочем, даже если б и не понравилась, все уже решено и ничего не попишешь. Все уже давным-давно решено...

Да, он не такой, как я ожидала, этот король, который дорогу к трону пробил себе силой, а корону свою поднял из грязи на поле битвы. Я думала, он будет похож на воителя, на великого солдата, такого, например, как мой отец. Но нет, он похож скорее на купца, который сидит в лавке и ломает голову, как бы побольше заработать, совсем не на воина, доблестным мечом добывшего себе королевство и королеву.

Наверно, я рассчитывала увидеть идалго вроде дона Эрнандо, героя, которого могла бы уважать, которого с гордостью звала бы отцом. Но этот король худ и бледен, как писарь... нет, он совсем не рыцарь, герой баллад.

И двор его, думалось мне, будет не такой. Я-то ждала, что устроят официальную церемонию встречи, с бесконечной процессией придворных, с длительными приветствиями и изысканными, витиеватыми речами, как принято у нас в Альгамбре. Нет, слог у него резкий, отрывистый, на мой взгляд, попросту грубый. Да, придется приспособиться к этой северной манере действовать бойко и бесцеремонно, выражаться кратко, шероховато, приказы отдавать не чинясь. Надеяться на хорошие или хотя бы приличные манеры не стоит. Придется на многое закрыть глаза – пока я не стану королевой и не смогу изменить правила.

Как бы то ни было, вряд ли имеет значение, по сердцу мне король или нет, как и то, Впрочем, по сердцу ли ему я. Он заключил с моим отцом договор, согласно которому мы с его сыном обручены. Так что какая разница, что я о нем думаю или что он думает обо мне. Нам вряд ли придется так уж много общаться. Я буду жить в Уэльсе и править там, он – жить в Англии и распоряжаться ею, а когда он умрет, на его трон сядет мой муж, мой сын станет следующим принцем Уэльским, а я – королевой.

Что до моего будущего мужа... О, тут мои впечатления совсем иные! Он такой красивый! Я и думать не могла, что он окажется таким красавцем... Белокурый, изящный, как мальчик-паж с миниатюр к рыцарским романам! И имя у него королевское, взято из романов о рыцарях Круглого стола... Так и вижу, как он всю ночь напролет стоит на посту или поет под окнами замка. У него бледная, сияющая, почти что серебряная кожа, густые светлые волосы, и при этом он выше меня, стройный и сильный, юноша на пороге зрелости...

У него удивительная улыбка, которая загорается как бы против его воли, а разгоревшись, ослепительно сияет. И еще: он добр. Это великое достоинство в муже. Доброту было видно, когда он принял от меня стакан вина, видел, что я дрожу, и попытался меня успокоить.

Интересно, что он думает обо мне? Ах, до чего интересно, что же он думает обо мне...

Как и решил король, поутру они с Артуром спешно вернулись в Виндзор, тогда как обоз Каталины с ее паланкином, который везли мулы, с приданным в больших походных сундуках, придворными дамами и штатом испанских слуг, а также с солдатами, охранявшими ее добро, неторопливо двинулся по грязной дороге в Лондон.

Принца она не видела до самого дня свадьбы, однако обоз, добравшись до деревушки Кингстон на Темзе, остановился там, чтобы встретиться с двумя грандами королевства: молодым Эдуардом Стаффордом, герцогом Бэкингемским, и герцогом Йоркским, вторым сыном короля, так же как отец носящим имя Генрих. Молодым джентльменам следовало сопроводить испанскую принцессу во дворец Ламбет.

– Я выйду к ним навстречу, – торопливо сказала Каталина, выбралась из паланкина и быстро пошла мимо остановленного обоза, желая избежать еще одной ссоры со строгой дуэньей, охотно негодующей по поводу юных дам, которым до свадьбы видеться с молодыми людьми не пристало. – Молчите, донья Эльвира! Мальчику всего десять лет. Даже матушка не назвала бы это неприличным.

– Накиньте хотя бы вуаль! – взмолилась добрая женщина. – Этот герцог Бук... Бук... ну, как там его зовут, он тоже там. Накиньте вуаль, инфанта, если вам дорога ваша репутация!

– Бэкингем, – подсказала принцесса. – Герцог Бэкингемский. А меня называйте принцессой Уэльской, донья Эльвира. И вы знаете, что я не могу быть в вуали, потому что он здесь для того, чтобы обо всем докладывать королю. Вы же помните, что говорила о нем матушка: он находится под опекой матери короля, ему возвращено семейное состояние, и нам подобает оказывать ему все знаки уважения.

Дуэнья, поджав губы, покачала головой, но Каталина решительно проследовала дальше с открытым лицом, сама не своя от собственной смелости. На дороге она увидела людей герцога, выстроившихся в боевом порядке. Перед ними стоял мальчик.

Первой мыслью ее было – до чего же он не похож на своего брата. Если Артур был светловолос, хрупок, бледен, кареглаз и очень серьезного вида, то этот выглядел весельчаком, так, словно его не заботило ничто на свете. Уродился он явно не в отца, судя по его виду, все давалось ему играючи, легко. Рыжий, круглолицый, по-детски пухлый, он улыбнулся Каталине, и его улыбка казалась искренней, дружеской и открытой, а яркие голубые глаза сияли, словно мир, в котором он жил, был добр и светел.

– Сестра! – радостно сказал он, гремя доспехами, спрыгнул с коня и склонился в поклоне.

– Брат Генрих! – ответила она реверансом точно отмеренной глубины, рассудив, что он всего лишь второй сын короля Англии, а она – инфанта Испанская.

– Я так рад тебя видеть, – заговорил он на беглой латыни с сильным английским акцентом. – Я так надеялся, что его величество позволит мне встретить тебя до того, как я повезу тебя в Лондон в день твоей свадьбы. Я подумал, как это будет неловко – вести тебя по церкви, чтобы передать в руки Артура, перед этим даже не поговорив! И зови меня Гарри. Меня все так зовут.

– Мне тоже приятно тебя видеть, брат Гарри, – вежливо ответила Каталина, слегка оглушенная таким бурным приемом.

– Приятно! Да тебе плясать следует от радости! – воскликнул он. – Потому что отец разрешил нам привести тебе кобылу, которая входит в твои свадебные дары, так что мы сможем поскакать вместе в Ламбет. Артур сказал, нужно, чтобы ты подождала до дня свадьбы, а я сказал – с чего это ей ждать? В день свадьбы ж она покатайся не сможет, будет занята. Но если я привезу ей лошадку сейчас, мы поедем верхом!

– Ты так добр!

– Да я вообще не обращаю никакого внимания на Артура, – живо сказал он.

Каталина подавила смешок:

– В самом деле?

Он скорчил рожицу и покачал головой:

– Он такой вечно серьезный... это ужас, прямо надутый! И очень ученый, хотя способностей у него нет. Способности есть у меня, так все говорят, я способный, особенно к языкам, и к музыке тоже. Мы можем говорить по-французски, если захочешь. Для моих лет я говорю очень бегло. А потом, я еще играю на разных инструментах. И конечно же я охотник. А ты охотишься?

– Нет, – ошеломленно ответила Каталина. – То есть я просто слеую за охотниками, когда у нас травят кабана или волков.

– Волки? У вас есть волки? Хотел бы я поохотиться на волков! А медведи у вас есть?

– Да, в горах.

– Ох, как было бы здорово завалить медведя! А на волков вы ходите пешими, как на кабана?

– Нет, верхом. Они такие быстрые, что нужны самые лучшие гончие, чтобы загнать их. Это ужасная охота.

– А мне бы понравилось, – сказал он. – Мне как раз нравится такое. Все говорят, я очень смелый как раз вот в таких вещах.

– Я в этом совершенно уверена, – улыбнулась Каталина.

Тут выступил вперед и поклонился красивый молодой человек лет двадцати пяти.

– О, это Эдуард Стаффорд, герцог Бэкингем, – торопливо произнес Гарри. – Могу я его представить?

Каталина протянула руку, и молодой человек снова склонился перед ней. Его умное лицо освещала теплая улыбка.

– Мы приветствуем вас на вашей земле, – на безупречном кастильском наречии сказал он. – Я надеюсь, путешествие вас не утомляет? Я могу быть чем-то полезен?

– Все превосходно устроено, благодарю вас, – ответила Каталина, вспыхнув от удовольствия, что слышит родную речь. – И люди, которые встречают нас на всем пути нашего следования, очень добры ко мне.

– Посмотри, вот твоя новая лошадь! – вмешался Гарри, потому что как раз сейчас грум подвел к ним красивую черную кобылу. – Ну, тебе, конечно же, к прекрасным лошадям не привыкать! У вас там как, предпочитают берберских коней?

– Моя матушка настаивала на их использовании в кавалерии.

– О! – выдохнул он. – Это потому, что они быстрые?

– Потому что их можно выучить в боевых коней. – Она подошла к лошади и погладила ей морду.

Мягким языком та облизала ей ладошку, нежно закусил кончики пальцев.

– Как боевых? – не отставал Гарри.

– У сарацин есть кони, которые бьются наравне с хозяевами, и берберских можно выучить так же. Они встают на дыбы и передними копытами обрушиваются на пешего воина, а еще умеют отбиваться, лягаться задними ногами тоже. А у турок водятся кони, которые могут поднять с земли саблю и подать ее всаднику. Матушка говорит, одна добрая лошадь в битве стоит десяти воинов.

– Ах, как бы мне хотелось такого коня... – мечтательно сказал принц Гарри. – Интересно, будет он у меня когда-нибудь? – И помолчал, но она не схватила наживку. – Вот если бы мне кто-нибудь его подарил, я бы его объездил, – прозрачно намекнул он. – Ну, скажем, на мой день рождения или, еще лучше, на будущей неделе, потому что ведь это не я женюсь и мне не полагается никаких подарков... Потому что я не у дел и чувствую себя брошенным, никому не нужным...

– Ну, посмотрим, – сказала Каталина, которой случилось наблюдать, как ее собственный брат добивался своего именно таким методом.

– Надо, чтобы меня научили верховой езде по всем правилам, – продолжал он. – Отец дал слово, что, хотя я обещан Церкви, мне позволят участвовать в скачках. Однако миледи, мать короля, говорит, мне нельзя биться на турнирах. И это, знаешь ли, просто нечестно! Они должны мне это позволить! Будь у меня настоящий конь, уверен, я всех бы победил!

– Не сомневаюсь, – сказала она.

– Ну что, поедем? – предложил Гарри, догадавшись, что берберский конь ему пока что не светит.

– Увы, скакать верхом я сейчас не могу. Надо сначала распаковать мою амазонку.

– А в чем ты есть – разве нельзя? – спросил он, немного подумав.

Каталина рассмеялась:

– Нет, в бархате и шелке нельзя.

– А-а-а... Так, может, ты тогда поедешь в своем паланкине? Только это, наверно, ужасно медленно?

– Да, именно так. Мне положено ехать в паланкине, – сказала она. – С опущенными занавесками. Не думаю, что даже твой батюшка одобрит, если я стану скакать по стране с подвернутой юбкой.

– О чем речь, конечно же принцесса не может ехать верхом, – заявил герцог Бэкингом. – Я же тебе говорил.

Гарри пожал плечами:

– Ну я же не знал. Никто не сказал мне, в чем ты будешь одета. Тогда можно мне поехать вперед? Мой конь скачет быстрее, чем тащатся мулы.

– Конечно, можешь ехать вперед, только держись на виду, – разрешила Каталина. – Раз уж ты у меня в эскорте, ты должен быть рядом со мной.

– Совершенно справедливо, – тихо сказал Бэкингом, обменявшись улыбкой с принцессой.

– Хорошо, я буду дожидаться вас у каждого перекрестка, – пообещал Гарри. – Я сопровождаю тебя, запомни. И в день твоей свадьбы буду сопровождать тебя к алтарю. У меня уже есть белый наряд с золотой отделкой.

– Ты будешь очень нарядным, – сказала она, и он вспыхнул от удовольствия.

– Ну, не знаю...

– Уверена, каждый при виде тебя заметит, какой красивый ты мальчик...

– Все всегда одобрительно кричат, когда я появляюсь, – признался он. – И мне очень приятно, что люди любят меня. Отец говорит, единственный способ сохранить за собой трон – это добиться любви народа. Отец говорит, король Ричард ошибся, когда не учел этого.

– А моя матушка говорит, что сохранить трон можно, только исполняя волю Господню.

– Да? – равнодушно отозвался он. – Ну, в разных странах это по-разному, полагаю.

– Что ж, будем путешествовать вместе, – сказала она. – Я скажу людям, что мы готовы тронуться в путь.

– Я сам им скажу! – заявил Гарри. – Это ведь я тебя эскортирую! Я буду отдавать приказы, а ты – отдыхать в своем паланкине. – Он искоса бросил на нее взгляд. – И знаешь что? Когда мы приедем в Ламбет, я сам приду за тобой, помогу тебе выйти, а ты обопрись на мою руку, ладно?

– Превосходная мысль, – кивнула она, и он снова жарко, до ушей, вспыхнул.

Принц Гарри поспешил прочь – распорядиться, а герцог с улыбкой склонился перед Каталиной, отдавая должное ее умению разговаривать с детьми.

– Очень смысленный мальчик, очень живой, – сказал он. – Вы должны простить ему эту восторженность. Его страшно балуют.

– Что, любимец матери? – спросила она, вспомнив, как обожала своего единственного сына ее мать.

– Еще хуже, – улыбнулся герцог. – Мать-то любит его ровно так, как нужно, однако же он – свет очей своей бабки, матери короля, а при дворе командует именно она. К счастью, он добрый мальчик, толковый и воспитанный – слишком хорош, чтобы его можно было бы испортить, к тому же бабка, балуя его, не забывает и об учении.

– Насколько я поняла, она добрая женщина?

– Ну, добра она только к своему сыну, – хмыкнул он. – Остальные находят ее скорее... скорее величественной, чем доброй.

– А скажите, герцог, мы сможем еще поговорить в Ламбете? – спросила Каталина, которой не терпелось как можно больше узнать о семействе, в которое она попала.

– И в Ламбете, и в Лондоне я буду счастлив служить вам, – глядя на нее с восхищением, произнес Бэкингем. – Вы можете полностью мной располагать.

Мужайся, Каталина. Ты дочь храброй женщины, и ты готовилась к этому всю жизнь. С какой стати ты прослезилась, услышав любезные речи, с которыми обратился к тебе молодой герцог? Одна мысль о слезах недопустима. Я должна высоко держать голову и улыбаться. Матушка говорила, если улыбаться, никто не узнает, что мне страшно и я скучаю по дому. Я буду улыбаться и улыбаться, какой бы пугающе чуждой ни казалась мне Англия сейчас.

А потом я привыкну. Эта страна станет мне домом. Чужие обычаи станут моими, а самые невыносимые, те, что никогда принять не смогу, я изменю, став королевой. Как бы то ни было, все равно мне больше повезло, чем моей сестре Исабель. Она побывала замужем всего несколько месяцев, а затем овдовела и была вынуждена вернуться домой. Моя участь лучше, чем участь и моей сестры Марии, которая вслед Исабель отправилась в Португалию, лучше, чем участь Хуаны, которая до безумия влюблена в своего мужа Филиппа, а он ей изменяет направо и налево. Лучше, чем участь моего брата Хуана, который, едва обретя счастье, умер. И уж конечно моя участь всегда, с самого начала, была лучше участи моей матушки, все детство которой прошло в опасности, на острие ножа.

Надеюсь, моя история будет совсем иной. Я родилась в куда более спокойные времена. Я надеюсь прийти к согласию и с моим мужем Артуром, и с его странным громкоголосым отцом, и с его славным братцем Гарри. Я надеюсь, что его мать и бабушка меня полюбят или хотя бы научат меня, как быть принцессой Уэльской, королевой Англии. Мне не придется, как маме, скакать по ночам от одной осажденной крепости к другой. Мне не придется закладывать свои драгоценности, как делала она, чтобы заплатить наемным солдатам. Мне не придется закованной в доспехи выезжать к войску, чтобы воодушевить его. Как ей, мне не будут угрожать лукавые французы с одной стороны и еретики-мавры – с другой. Я выйду замуж за Артура, и, когда умрет его отец – что, видимо, будет скоро, потому что Генрих стар и ужасно раздражителен, – мы станем королем и королевой. Моя матушка будет править Испанией, а я – Англией, и мы с ней проследим за тем, чтобы союз Англии с Испанией был нерушим.

Лондон, ноябрь 1501 года

Утром в день свадьбы Каталину подняли рано, да она и не спала почти, ворочаясь в постели с тех пор, как в бледном небе зажглось холодное зимнее солнце. Для нее приготовили настоящую ванну – камеристки пересказали ей, что англичане просто поражены тем, что она затеяла мыться перед самой свадьбой, и полагают, что она играет со смертью. Каталина, выросшая в Альгамбре, где бани были самыми нарядными и оживленными помещениями дворца – там всегда звучал смех, рождались и умирали сплетни и слухи, а воздух был пропитан ароматом душистого мыла, – была поражена, что знатные англичане считают достаточным мыться лишь от случая к случаю, а бедняки делают это вообще лишь раз в году.

Она уже поняла, что под ароматом мускуса и серой амбры, просочившимся в ее покои с появлением там короля и принца Артура, прячется запах пота и конского навоза и что до конца своих дней она будет жить среди людей, которые из года в год не меняют белья. Она решила относиться к этому как к еще одной особенности местной жизни, которую ей следует научиться терпеть, как терпит лишения ангел, спустившийся с небес на землю.

– Пожалуй, здесь всегда так холодно, что это не имеет значения, – неуверенно сказала она донье Эльвире.

– Для нас имеет, – отрезала дуэнья. – И вы должны мыться, как подобает инфанте Испанской, даже если всем кухаркам на кухне придется бросить свои дела, чтобы согреть для вас воду.

Донья Эльвира приказала принести из кухни огромный котел, в котором ошпаривали мясные туши, велела трем поварятам хорошенько его вымыть, выстелить изнутри льняными простынями и до краев наполнить горячей водой, в которую бросила розовых лепестков и влила розового масла, привезенного с собой из Испании. Любовно она наблюдала за тем, как Каталине моют длинные белые ноги, подрезают и подтачивают ногти, чистят зубы и наконец трижды ополаскивают волосы. Раз за разом ошеломленные английские горничные неслись к дверям, чтобы принять от избегавшихся пажей еще один кувшин с кипятком и опрокинуть его в самодельную ванну, дабы не позволить воде остыть.

– Если б у нас была баня, как подобает! – горевала донья Эльвира. – С водопроводом, бассейном и чистым мраморным полом! С горячей водой всегда наготове и ванной, куда вы могли сесть. Уж мы бы вас потеряли как следует!

– Не ворчите, – сонно пробормотала Каталина, выбираясь из ванны с помощью служанок, которые затем промокнули ей тело согретыми и надушенными полотенцами, а одна, отжав воду с ее волос, осторожно обернула их красным шелком, пропитанным маслом, чтобы усилить их блеск и цвет.

– Ваша матушка была бы довольна, – сказала донья Эльвира, провожая инфанту к гардеробной, где ее, слой за слоем, начали одевать в сорочки и платья. – Затяни шнуровку потуже, девушка, юбка должна лечь ровно. Это день ее величества Изабеллы, так же как и ваш, Каталина. Она сказала, вы должны выйти за него, чего б это ей ни стоило.

Да, но матушка заплатила не самую высокую цену. Я знаю, они купили мне эту свадьбу за огромный куш в виде моего приданого и провели изнурительно долгие переговоры, а я претерпела самый ужасный вояж, какой только можно себе вообразить, да, но есть ведь и другая цена, которую приходится заплатить, верно? О цене этой не принято говорить, но мысль о ней не отпускает меня сегодня, как не отпускала во время путешествия посуху и по воде с тех самых пор, как я впервые о ней узнала.

Был один человек, лишь двадцати четырех лет от роду, Эдуард Плантагенет, граф Уорик, герцог Кларенс, сын английских королей, у которого, если уж говорить начистоту, было

побольше оснований претендовать на престол, чем у моего свекра. Он был принц, племянник короля, королевской крови. Уорик не совершал преступлений, не сделал ничего плохого, но его арестовали – ради меня, заточили в Тауэр – ради меня и, наконец, убили, обезглавили на плахе – и тоже ради меня, чтобы мои родители были уверены: на трон, который мне куплен, других претендентов нет.

Отец самолично заявил королю Генриху, что не отошлет меня в Англию, пока граф Уорик жив, и потому я не что иное, как сама Смерть, с косою и песочными часами. Когда родители приказывали готовить корабль, который повезет меня в Англию, Уорик был уже покойником.

Говорят, он был страшно наивен и даже не понимал, что находится под арестом, – думал, в Тауэре его поселили, чтобы оказать почести. Ведь он был последним из Плантагенетов по мужской линии, а Тауэр не только тюрьма, но и королевский дворец. Когда арестовали одного ловкача, который выдавал себя за принца крови, и посадили его в комнату по соседству с беднягой Уориком, тот подумал, что это для того, чтоб ему было веселей. Когда же ловкач предложил ему бежать, несчастный решил, что это отличная мысль и, по невинности своей, толковал о своих планах на сей счет так, что услышала стража. Это использовали как предлог, чтобы выдвинуть против него обвинение в измене. Потом его обезглавили, и никто не выступил в его защиту.

Стране нужен мир и власть короля, права которого не вызывают сомнений. Королевские подданные лишь плечами пожмут, услышав, что тот или иной претендент мертв. От меня ждут, что и я отзовусь так же. Конечно, я не буду рыдать, как маленькая, на людях. И ни с кем не поделюсь своими мыслями. Однако однажды вечером, когда солнце село, оставив мир прохладным и благоуханным, я шла, скрывшись от всех в садах Альгамбры, вдоль длинного канала, до краев наполненного тихой водой, и думала: нет, никогда больше не смогу я гулять в тени деревьев и наслаждаться шелестом листвы, не вспоминая об Эдуарде, графе Уорике, – ведь казнили его ради меня, чтобы я прожила жизнь в богатстве и роскоши. И я молилась: Боже, прости мне смерть невинного человека...

Мои отец и мать объединили Кастилию и Арагон и вдоль-поперек проехали всю Испанию, дабы справедливость торжествовала в каждой деревне, в самой убогой из хижин, чтобы никакому испанцу не угрожало по чьей-то прихоти умереть. Даже самый могущественный сеньор не вправе убить крестьянина: сначала должен быть суд. Но когда дело коснулось меня и Англии, они забыли обо всем. Они забыли, что мы живем во дворце, по стенам которого вьется надпись, приглашающая: «Войди и спроси. Не бойся искать справедливости, ибо здесь ты найдешь ее». Просто написали королю Генриху, что не отошлют меня, пока Уорик жив, и тут же, по их желанию, его убили.

И порой, забыв, что я инфанта Испанская и принцесса Уэльская, оставшись просто девочкой Каталиной, я по-детски спрашиваю себя, не сделала ли моя могущественная мать ужасной ошибки? Не переступила ли она границ, выполняя Господню волю? Ибо может ли свадьба эта, окропленная кровью, стать началом доброго брака? Разве не должна она, как ночь следует за закатом, обратиться кровавой трагедией? Будем ли мы с Артуром счастливы, когда счастье наше куплено такой ценой? И если все-таки будем, не будет ли оно, это наше счастье, греховным?

Принц Гарри, десятилетний герцог Йоркский, до того гордый своим нарядом из белой парчи, что едва замечал Каталину, пока они шли к западным дверям собора Святого Павла, у храма к ней повернулся и посмотрел ей в лицо, прикрытое белым кружевом мантильи. От главного входа собора к алтарю вел помост длиной шестьсот церемониальных шагов. Усланный красной тканью, прибитой золотыми гвоздиками, он был поднят на высоту человеческого

роста – на радость лондонцам, собравшимся поглазеть на свадьбу. Перед алтарем стоял бледный от волнения принц Артур.

Каталина улыбнулась мальчику. Гарри восторженно засиял в ответ. Ее рука твердо, не дрожа, лежала в его ладони. Он помедлил в дверном проеме, пока каждый из тех, кто заполнил огромный собор, не понял, что невеста готова начать свое торжественное шествие к жениху. Наступила тишина, и вот тут, в точно рассчитанный, почти театральный момент, они шагнули вперед.

Ступая по помосту, выстроенному по приказу короля Генриха, чтобы всем было видно, как испанский цветок сочетается браком с розой Англии, Каталина с каждым своим шагом слышала шепот, клубящийся вокруг нее. Принц Артур, повернувшийся ей навстречу, на мгновение был ослеплен злостью – его брат вел Каталину так, словно это он сам жених, словно это он тут главный, словно это на него тут все пришли посмотреть.

Наконец они приблизились к алтарю, и Гарри пусть неохотно, но пришлось отступить, а жених и невеста предстали перед архиепископом и вместе преклонили колени, опустившись на расшитые специально для свадьбы подушечки из белой парчи.

«Вот уж не было на свете пары более женатой, чем эта, – с тоской размышлял Генрих VII, стоя между женой и матерью в королевском ряду. – Ее родители доверяли мне не больше, чем скорпиону, а уж отец, по мне, так всегда был почти что мавр и суций барышник. Девять раз мы обручали детей. Девять раз! Такой брак ничем не разрушишь. И отец ее теперь не отвертится, даже если б и передумал. Этот брак мне защита от Франции, одна мысль о нашем союзе заставит Францию заключить со мной мир, а сейчас нет ничего важнее, чем мир...»

Он покосился на жену. Со слезами на глазах смотрела она, как архиепископ соединяет руки сына и его невесты. Лицо жены, прекрасное и взволнованное, не пробудило никаких чувств в короле. Кто знает, какие мысли кроются за этой красивой маской? О чем она думает? О своем собственном браке, союзе Йорка и Ланкастера? Или же о человеке, которого предпочла бы в мужа? Король насупился. Нет, жену в расчет брать нельзя. Он давно уже взял за правило вовсе не принимать ее во внимание.

Чуть выше королевы Елизаветы с каменным лицом стояла его мать, Маргарита Бофор. Она смотрела на молодую пару с улыбкой в глазах. Это триумф Англии, триумф ее сына, но прежде всего и в первую очередь это ее триумф, ведь именно она, Маргарита, вытаскала происходящее от бастарда семейство¹ из забвения, она бросила вызов Йоркам, она победила правящего короля, она вопреки всем обстоятельствам захватила трон Англии. Это она придумала в нужный момент вернуть сына из Франции, чтобы он потребовал для себя трон. Это ее союзники дали ему войско. Это она разработала план битвы при Босуорте, в которой узурпатор Ричард потерпел поражение. Победу в той битве она праздновала каждый день своей жизни. А брак, который они сейчас заключают, есть кульминация всей ее долгой борьбы за власть. Новобрачная принесет ей внука, короля Англии, испанских и тюдоровских корней, а тот родит сына, а тот – своего. Так будет заложена великая династия Тюдоров.

Каталина повторяла слова брачного обета, чувствуя холод кольца на своем пальце. Подчиняясь приказу, как во сне повернула голову к молодому мужу и приняла его нежаркий поцелуй. А когда шла назад по этому нелепому помосту, видя улыбающиеся лица от своих ног направо и налево – до самых стен собора все лица и лица, – стала понимать, что дело сделано, все позади. И когда они ступили из прохладной темноты кафедрального собора на яркое

¹ *Маргарита Бофор* – внучка внебрачного, но впоследствии узаконенного сына основателя дома Ланкастеров, Джона Гонта. Вышла замуж за Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда. В 14 лет, через несколько месяцев после смерти мужа, родила единственного ребенка – будущего Генриха VII. В это время уже шла Война Алой и Белой розы. Овдовевшая графиня Ричмонд еще дважды выходила замуж за видных сторонников дома Ланкастеров, второй из них, Джон Стенли, впоследствии помог пасынку, изменив Ричарду III в битве при Босуорте. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

зимнее солнце и услышали рев толпы, выкрикивающей их имена, имена принца и принцессы Уэльских, она осознала, что целиком и полностью выполнила свой долг. С раннего детства она была обещана Артуру, и сейчас наконец они женаты. С трехлетнего возраста именуемая принцессой Уэльской, она наконец-то законно обрела это имя, заняла свое место в мире. Каталина улыбнулась, и толпа, довольная дармовым вином, красотой молоденькой принцессы и обещанием прочного мира, разразилась приветственными криками.

Они стали мужем и женой, но за весь день обменялись лишь парой слов. Состоялся официальный обед, и, хотя они сидели бок о бок, говорить было некогда: то и дело провозглашались тосты, произносились речи, звучала музыка. После длинной трапезы в несколько перемен последовал дивертисмент: выступления поэтов и певцов, представление живых картин. В Англии еще не бывало, чтобы свадьба стоила таких денег. Празднество было грандиозней, чем свадьба самого короля и даже чем его коронация. Таким образом, провозглашалось нечто новое для английского королевства, а именно что брак между молодым Тюдором и испанской принцессой – одно из важнейших событий нового времени. Две новые династии заявляли о себе этим союзом: Фердинанд с Изабеллой, ковавшие новую страну из мавританской Андалузии, и Тюдоры, подмявшие под себя Англию.

Музыканты заиграли испанские танцы. Королева Елизавета по кивку свекрови наклонилась и тихо сказала Каталине:

– Ты доставишь всем огромное удовольствие, если станцуешь для нас.

Каталина, сдержанная и невозмутимая, встала с места и направилась в центр зала, где уже собрались ее дамы. Они встали в круг и взялись за руки. Снова танцевали павану, которую Генрих уже видел в Догмерсфилде, и снова, сузив глаза, он смотрел на невестку. Без сомнения, она самая соблазнительная женщина в этом зале. Жаль, что сынок Артур не сумеет открыть для нее радости, которые кроются меж простынями. Если позволить им уехать в замок Ладлоу-Касл, она умрет там с тоски, станет холодной и безразличной. С другой стороны, если оставить при дворе, она будет радовать его взор, украшать двор. А он сможет смотреть, как она танцует. Он тяжело вздохнул. Пожалуй, духу не хватит...

– Очаровательна, – заметила королева.

– Будем надеяться... – кисло сказал король.

– Милорд?

– Да нет, ничего. Ты права, в самом деле очаровательна. И на вид будто здорова. А как ты думаешь?

– Вполне здорова, и ее мать уверяла меня, что она регулярна в своих привычках.

– Да уж эта дама скажет что угодно, – кивнул он.

– Ну что ты! Она не стала бы вводить нас в заблуждение! Да еще в деле такой важности!

Он кивнул еще раз. Добросердечность и доверчивость его жены неизменны. Поскольку никакого влияния на политику она не имеет, к ее мнению можно не прислушиваться.

– А Артур? – спросил он. – Как он? Матерееет и набирается сил? Хотел бы я, чтобы он обладал темпераментом своего брата.

Оба они посмотрели на юного Гарри. Тот стоял, глядя на танцующих, красный от возбуждения, сияя глазами.

– О Гарри! – засветилась любовью королева. – Не было на свете принца красивей и веселей, чем наш Гарри!

Испанский танец завершен, король хлопнул в ладоши.

– А теперь – Гарри с сестрой! – скомандовал он.

Король не хотел, чтобы Артур танцевал перед новобрачной. Тот делал это слишком старательно, как писарь, сосредоточенно, путаясь в ногах. А Гарри так и горел желанием танцевать, миг – и он уже ведет за собой свою сестру, принцессу Маргариту. Музыканты, которые

хорошо знали склонности юных особ королевской крови, бойко заиграли веселую мелодию гальярды. Гарри, пустившись в пляс, на ходу сбросил камзол и остался в одной сорочке, как простолудин.

Испанские гранды и грандессы осуждающе поджали губы при виде такой бесцеремонности, тогда как английский двор, во главе с королем и королевой, приняли ее, умиляясь энергии и темпераменту Гарри. Когда пара танцоров завершила свое представление кружением и галопом, все, смеясь, с удовольствием захлопали в ладоши. Только принц Артур весь танец старательно смотрел в никуда, лишь бы не видеть брата. Он очнулся, когда мать накрыла его ладонь своей.

– Дай-то Бог, чтобы он замечтался о брачной ночи, – заметил его отец, обращаясь к леди Маргарите. – Однако же сомневаюсь...

Та издала резкий смешок:

– Не могу сказать, что невеста мне по душе.

– Разве? – удивился король. – Вы же читали договор!

– Меня устраивает цена, но товар оставляет желать лучшего, – с обычным своим злоязычием пошутила она. – Изящная штучка, но непрочная, верно?

– А вы бы предпочли крепкую молочницу?

– Я бы предпочла девушку с широкими бедрами, чтобы рожала сыновей, – попросту сказала она.

– На мой взгляд, она достаточно хороша, – резко произнес Генрих.

Нет, никому не сможет он признаться, до чего она, на его взгляд, хороша. Даже себе самому...

В брачную постель Каталину уложили ее камеристки, Мария де Салинас, которая поцеловала ее на ночь, и донья Эльвира, благословившая ее, как мать; однако Артуру пришлось еще долго прощаться с друзьями, которые хлопали его по плечу и скабрёзно острили, прежде чем проводить к дверям опочивальни. Там они оставили его в постели рядом с принцессой, которая тихо и молчаливо лежала, пока чужие и незнакомые мужчины, смеясь, желали им доброй ночи, а потом еще явился архиепископ обрызгать простыни святой водой и помолиться рядом с молодыми. Вся процедура была настолько публична, что оставалось лишь распахнуть двери спальни да пригласить жителей города Лондона поглазеть, как новобрачные лежат рядышком в кровати, бок о бок, сущие чучела, набитые соломой. Казалось, прошла вечность, прежде чем последнее смеющееся лицо исчезло – его обладатель закрыл за собой дверь, и они остались вдвоем, опираясь спиной на высоко взбитые подушки, оробелые, одеревенелые, как куклы.

Молчание прервал Артур.

– Не хочешь ли стакан эля? – севшим от волнения голосом спросил он.

– Мне не очень нравится эль...

– Это особый эль, для новобрачных. Он подслащен медом и пряностями. Говорят, придает мужества, – прибавил он, чуть улыбнувшись.

Она тоже улыбнулась:

– А что, мы в нем нуждаемся?

Подбодренный ее улыбкой, он встал с постели и направился за питьем.

– Еще бы! Ты чужестранка, вдали от родины, а я никогда не знал женщин помимо сестер... нам обоим надо многому научиться.

Она взяла у него стакан горячего пряного эля и сделала глоток:

– Вкусно!

Артур залпом выпил стакан, потом другой и вернулся к постели. Поднять одеяло и лечь рядом казалось каким-то... вторжением, а уж мысль о том, чтобы задрать девушке ночную рубашку и улечься на нее, просто не умещалась в его голове.

– Задую-ка я свечу, – заявил Артур.

Густая тьма поглотила их, рдели лишь угли в очаге.

– Ты очень устала? – спросил он с тайной надеждой услышать «да», чтобы она призналась, что слишком утомлена и не в силах исполнить свой долг.

– Совсем нет, – вежливо ответил голос, из-за темноты кажущийся бесплотным. – А ты?

– И я нет. Хочешь спать?

– Я знаю, что нужно делать, – сказала она вдруг. – Все мои сестры были замужем. Они рассказывали.

– Я тоже знаю! – обиделся он.

– Я не о том, что ты не знаешь. Я о том, что ты можешь не бояться и приступить. Я знаю, что мы должны сделать.

– Я и не боюсь, просто...

К совершенному своему ужасу, он почувствовал, как ее рука поднимает ему рубаху, прикасается к голому животу.

– ...просто я не хочу пугать тебя, – договорил он слегка дрожащим голосом, чувствуя, как нарастает желание и вместе с ним удушающий страх оказаться не на высоте.

– Я не боюсь, – ответила дочь Изабеллы. – Я никогда в жизни ничего не боялась.

В молчании и темноте она нашла его и крепко сжала, вызвав в нем своим прикосновением такой взрыв ощущений, что он испугался, как бы не пролить семя прямо ей в руку. Тогда с низким стоном он перевалился на нее, обнаружив, что она уже до пояса подняла свою рубашку, повозился неловко, напирая чреслами, пытаясь как-нибудь применить, и по тому, как она вздрогнула, понял, что ей больно. Вообще вся эта процедура выглядела совершенно невозможной, и не было никакого способа узнать, что в таких случаях полагается делать мужчине, ничего, что могло бы помочь ему, направить его, разобраться с таинственной географией женского тела. Но тут вдруг она тихонько вскрикнула и задавила крик, зажав рот рукой. Он понял, что дело сделано, и от этого сразу стало так легко, что семя тут же исторглось, принеся с собой короткое, острое, болезненное наслаждение вкупе с мыслью, что пусть себе и отец, и братец Гарри думают о нем, что хотят, но дело сделано, и он, Артур, мужчина и муж, а принцесса, его жена, больше не девственница.

Каталина подождала, пока он заснет, а потом встала и пошла помыться в свою личную уборную. Кровило, но она знала, что это скоро пройдет, да и боль оказалась не сильной, как она и ожидала; сестра Исабель говорила, это не страшней, чем упасть с лошади, и оказалась права. А невестка-то Марго какова! Распевала, что это неземное блаженство! Что за вздор! Разве может быть блаженством столь глубокое унижение и неудобство! Скорее всего, Марго, как с ней частенько бывало, порядком преувеличила.

Вернувшись в опочивальню, Каталина не легла в постель, а уселась на пол перед очагом и долго сидела так, обняв колени и глядя на тлеющие в золе угольки.

«Неплохой был денек», – сказала я себе и улыбнулась, потому что это матушкины слова. Мне так хочется услышать ее голос, что я даже выражаюсь ее словами. Часто, когда я была совсем маленькая, она, проведя долгий день в седле за проверкой передовых отрядов или, напротив, отправляясь поторопить отставший в пути обоз, входила в шатер, сбрасывала сапоги, опускалась на подушки, разбросанные по роскошным мавританским коврам, поближе к огоньку, плававшему в бронзовой жаровне, и вздыхала:

– Неплохой был денек!

– А бывают плохие деньки? – однажды поддразнила ее я.

– Нет, если выполняешь Господню волю, – серьезно ответила она. – Бывают дни, когда это легко, а бывают, когда трудно. Но если делаешь то, что велит Господь, плохих дней не бывает.

Ни одной минуты не сомневаюсь я в том, что выполняю Господню волю, деля с Артуром брачное ложе, касаясь его и направляя в себя. Это воля Господа, чтобы между Испанией и Англией установился нерушимый союз. Только имея в надежных союзниках Англию, Испания сможет приостановить растущее влияние Франции. Только имея за спиной могущество Англии, в особенности английский флот, мы, испанцы, сможем пойти войной против нечестивых арабов, добраться в самое сердце нечестивых мусульманских империй, прийти в Турцию, в Африку. Итальянские принцы в борьбе честолюбий ссорятся между собой. Французы – наказание для соседей. Остается лишь Англия, только она присоединится к Испании в священной войне с неверными, будь то черные африканцы, которыми стращали меня в детстве, или светлокожие арабы из ужасной Оттоманской империи. А когда мы победим мавров, крестоносцы пойдут дальше, в Индию, на Восток, всюду, куда потребуется, чтобы бросить вызов мусульманской скверне – и победить ее. У меня есть опасения, что сарацинские земли повсюду, тянутся бесконечно, до самого края земли, а ведь даже Христофор Колумб не знает, где это.

– А что, если они вернуться? – однажды спросила я матушку, когда, облокотясь на прогретые солнцем камни парапета, мы смотрели, как покидает Гранаду очередной караван мавров: мулы тяжело гружены тюками с пожитками, женщины в голос рыдают, мужчины поникли головой, стяг святого Иакова гордо реет над крепостью, заняв место мусульманского полумесяца, овевавшегося местным ветерком на протяжении семи столетий, и колокола звонят к мессе там, где сзывал к молитве Аллаху крик муэдзина. – Что, если они сейчас уйдут в Африку и, поднабравшись сил, через год придут снова?

– Вот потому-то ты должна быть смелой, моя принцесса Уэльская, – ответила мне матушка. – Потому-то ты должна быть готова бороться с ними, когда бы они ни пришли. Ведь этой войне длиться до конца времен, пока сам Господь не завершит ее. Они будут возвращаться снова и снова, и тебе в Уэльсе надо быть готовой к этому так же, как готовы мы здесь в Испании. Я выносила тебя с тем, чтобы ты была воинственной принцессой, как я – воинственная королева. Мы с твоим отцом определили тебя в Англию, как Исабель – в Португалию, а Хуану – к Габсбургам в Нидерланды. Дело всех наших дочерей – защищать земли мужей и поддерживать их союз с Испанией. Твое дело, Каталина, – беречь Англию и готовить ее к войне с неверными.

Вскоре после полуночи Каталина проснулась оттого, что Артур осторожно возился меж ее ног. Скрыв отвращение, она позволила ему завершить затеянное, потому что знала, что именно так можно зачать сына и укрепить союз между странами. Некоторым принцессам, таким, как ее мать, суждено биться на поле боя, чтобы защитить свое королевство. Но большинство принцесс, и она, Каталина, из их числа, ведут свои битвы в темноте опочивальни. Много времени это испытание не заняло, а потом он снова уснул. Каталина застыла, как камень, только бы не разбудить его снова.

Артур спал крепко, пока на рассвете не забарабанили в дверь его постельничие. Он вскочил, чуть смущенно пожелал ей доброго утра и вышел. Придворные приветствовали новобрачного, как триумфатора, и шумно проследовали в его апартаменты. Каталина слышала, как он заявил, вульгарно и хвастливо: «Сегодня ночью я побывал в Испании!» – слышала раскаты ответного смеха. Донья Эльвира до небес взметнула свои тонкие брови: уж эти англичане с их манерами!

– Не представляю, что сказала бы на это ваша мать...

– Сказала бы, что слова значат меньше, чем воля Господа, а воля Господа свершилась, – твердо ответила Каталина.

Хотя в матушкином случае все было совсем иначе. Она с первого взгляда влюбилась в моего отца и с великой радостью вышла за него замуж. Когда я стану постарше, я начну понимать, что брак их был не только сотрудничеством двух правителей – оба испытывали желание

обладать друг другом. Отец мой мог заводить себе любовниц, однако он нуждался в жене и был счастлив только с ней. А для матушки другие мужчины просто не существовали. Из всех королевских дворов Европы только испанский не имел традиций любовной игры, флирта, подобострастного обожания королевы. И когда прекрасные кабальеро, вздыхая, говорили матушке, что у нее не рот, а роза, а глаза голубые, как небеса, она только смеялась и бросала: «Вот вздор-то!»

Расставаясь, мои родители ежедневно писали друг другу, отец и шага не делал, не оповестив ее и не спросив совета. А, зная, что он в опасности, мать не смыкала глаз.

Он не мог пересечь Сьерра-Неваду, если она не посылала ему сопровождение, военный отряд и команду землекопов – выровнять для него дорогу. В строительстве королевства, деле, которому он отдавался со страстью, кроме нее, он не доверял никому. А она... Только для него она покоряла горы. Только он был достоин ее поддержки. Обманчиво было представление о том, что брак их – удачный союз двух расчетливых политических игроков. Она была великой королевой потому, что так она зажигала в нем желание. Он был великим воителем, чтобы стоять вровень с ней. Именно любовь, именно страсть двигала ими – почти в той же мере, что и Господь.

Страстность – это наша семейная черта. Когда моя сестра Исабель, упокой ее душу Господь, вернулась из Португалии вдовой, она заявила, что столь сильно любила своего супруга, что замуж больше не выйдет. Хотя брак продлился всего шесть месяцев, тем не менее жизнь без супруга потеряла для нее всякий смысл. Другая моя сестра, Хуана, до того влюблена в своего мужа Филиппа, что не в состоянии выпустить его из поля своего зрения; узнав, что он заинтересовался другой женщиной, она устраивает скандал и клянется, что отравит соперницу; в общем, просто с ума сошла от любви... А мой брат... мой любимый брат Хуан от любви попросту умер. Он и его красавица-жена Марго были так полны страсти, так упоены друг другом, что его здоровье оказалось подорвано и он умер через полгода после свадьбы. Ну есть ли на свете история печальней, чем эта? В общем, страстность у нас в роду... Но как же я? Суждено ли мне влюбиться когда-нибудь?

Во всяком случае, в своего неуклюжего супруга я не влюблюсь никогда. Да, сначала он мне понравился, но теперь это далеко позади. Он слишком робок, чтобы поговорить со мной, он мямлит и притворяется, что не находит слов. Из-за этой его докучной робости я вынуждена была принять на себя командование в постели, и как стыдно, что первое движение пришлось сделать мне. Из-за него я становлюсь женщиной, лишенной стыда, как на рыночной площади, тогда как я хочу, чтобы за мной ухаживали, как за дамой из романа. Однако, не подтолки я его, что бы он тогда делал? Я чувствую себя ужасно и виню его в своем унижении. «В Испании он побывал», как же! Без моей помощи он добрался бы разве что в Индию... глупый щенок.

При первой встрече мне показалось, что он красив, как принц из сказки, как трубадур, как поэт. У него даже имя из романов о рыцарях Круглого стола. Думала, я стану для него дамой в башне и он будет петь под моим окном, добиваясь моей любви. Но оказалось, что он, притом что у него внешность поэта, не в силах связать и двух слов, и я начинаю думать, что роняю себя, пытаюсь добиться его расположения.

Конечно, я никогда не забуду, в чем состоит мой долг, и буду терпеть этого Артура. Надеюсь, мне удастся зачать сына и уберечь Англию от мавров. Я выполню свой долг. Будь что будет, но я стану королевой и буду заботиться о двух странах: Испании, где родилась, и Англии, куда выдана замуж.

Скованно, не перемолвываясь ни словом, Артур и Каталина стояли рядышком на носу королевской барки, возглавлявшей флотилию из нарядно раскрашенных кораблей, идущую вверх по Темзе к Бейнард-Каслу, который станет им домом на несколько следующих недель. Огромный прямоугольный замок стоял над рекой, окруженный садами, которые спускались к самой

воде. Лорд-мэр Лондона Рид, члены городского совета и весь двор следовали за королевской баркой, и под звуки музыки наследники трона поселились в самом сердце столицы.

Каталина обратила внимание на то, как часто присутствуют при дворе посланники Шотландии. Деятельно велись переговоры о замужестве сестры ее мужа, ее невестки принцессы Маргариты. Король Генрих пользовался своими детьми, как пешками в шахматной игре, призом в которой была власть, – как, впрочем, и следует королю. Артур закрепил собой важный союз с Испанией. Маргарита, хотя ей всего двенадцать лет, добудет в друзья Шотландию, с которой Англия враждует уже в течение многих поколений. Принцесса Мария тоже в свой час будет обручена, либо со злейшим врагом своей страны, либо с ближайшим другом, которого следует поощрить. Каталина с раннего детства знала, что станет следующей королевой Англии. Это облегчило ей горечь расставания с родиной и семьей...

Она заметила, что Артур весьма сухо приветствовал шотландских лордов, встретив их перед совместным обедом в Вестминстерском дворце.

– Шотландцы – наши злейшие враги, – по-кастильски шепнул ей Эдуард Стаффорд, герцог Бэкингем, когда они стояли в передней, дожидаясь очереди занять свои места за столом. – Король надеется, что этот брачный союз подружит нас, навеки привяжет шотландцев к Англии. Однако каждый англичанин с самого детства знает, что нет у нас на севере врага более постоянного и зловредного.

– Но ведь это всего лишь маленькое и бедное королевство, – сказала Каталина. – Какой вред оно способно нанести нам?

– Они подпевают Франции. Стоит нам начать войну с французами, как они заключают между собой союз – и шотландцы вторгаются в наши северные пределы. И пусть Шотландия мала и бедна, но это ворота, через которые с севера к нам могут войти французы. Полагаю, ваше высочество по опыту своей родины знает, как опасна может быть самая маленькая страна, если она лежит на границе.

– Ну, у мавров в конце концов остался только Гранадский эмират, – согласилась она. – Мой отец всегда говорил, что мавры как болезнь. Пусть всего лишь мелкая ссадина, но саднит всегда.

– А наша чума – шотландцы, – подхватил Бэкингем. – Примерно раз в три года они вторгаются к нам и устраивают маленькую войну, и мы либо отдаем им акр нашей земли, либо забираем его назад. И каждое лето они совершают набеги на приграничные графства и воруют все то, чего они не выращивают или не умеют изготавливать сами. Нет на севере фермера, который не пострадал бы от них. Но король твердо намерен заключить мир.

– Как вы думаете, будут ли шотландцы добры к принцессе Маргарите?

– По-своему, видимо, да, – улыбнулся он. – Но не так, как мы к вам, инфанта.

Каталина улыбнулась в ответ. В самом деле, ее тепло приняли в Англии. Лондонцам полюбилась испанская принцесса, им нравились и пышность ее кортежа, и непривычный наряд, и то, что она улыбалась людям. Каталина усвоила от своей матери, что народ нужно уважать, и она никогда не отворачивалась, заслушав приветственные крики. Махала рукой, улыбалась и, если поднимался особенно большой шум, даже приседала в небольшом реверансе.

Она посмотрела туда, где принцесса Маргарита, тщеславная и не по годам развитая девочка, разглаживала складки на платье и поправляла головной убор перед тем, как войти в пиршественный зал.

– Скоро ты выйдешь замуж и уедешь из дому, как уехала я, – любезно обратилась к ней Каталина по-французски. – Я надеюсь, ты будешь там счастлива.

Девочка ответила ей дерзким взглядом:

– Но не так, как ты. Ведь ты приехала в самую лучшую страну в Европе, тогда как мне придется ехать в изгнание.

– Возможно, Англия кажется тебе самой лучшей, но для меня она по-прежнему чужая, – ответила Каталина, пропуская грубость мимо ушей. – И если б ты видела мой дом в Испании, ты бы поразилась тому, какой у нас там дворец.

– Нет места лучше, чем Англия, – сказала Маргарита с невозмутимой убежденностью избалованного ребенка. – Но быть королевой очень неплохо. Вот ты будешь еще принцессой, а я уже – королевой. Я буду ровней моей матери. – Подумала и прибавила: – В самом деле, я буду ровней и твоей матери.

Каталина вспыхнула:

– Вот этому никогда не бывать! Какая глупость даже предположить такое!

Маргарита открыла рот от удивления.

– Прошу вас, ваши высочества, – быстро вмешался Бэкингем, – ваш батюшка вот-вот займет свое место. Не угодно ли пройти в зал?

Маргарита развернулась и упорхнула.

– Она еще так молода! – продолжил герцог. – И хотя никогда в этом не признается, ужасно боится покинуть мать и отца и уехать в такую глушь.

– Значит, пусть учится, – сквозь зубы ответила Каталина. – Усвоит манеры, подобающие королеве, если уж собирается ею быть!

Повернувшись, чтобы идти в зал, она обнаружила рядом с собой Артура, готового вести ее второй парой следом за королем Генрихом и королевой Елизаветой.

Королевская семья заняла места за пиршественным столом. Король и двое его сыновей сидели на возвышении под балдахинном с гербом, озирая весь зал, по правую руку от них расположились королева с принцессами. Миледи мать короля, Маргарита Бофор, сидела между сыном и королевой.

– Маргарита и Каталина в дверях перекинулись парой слов, – с мрачным удовлетворением заметила она королю. – Я так и думала, что инфанта вызовет раздражение у нашей принцессы. Маргарита терпеть не может, когда внимание оказывается не ей, а кому-то другому, а с Каталиной все носятся.

– Маргарита скоро уедет, – лаконично сказал Генрих. – Там у нее будет свой двор и свой медовый месяц.

– Каталина стала центром притяжения при нашем дворе, – пожаловалась его мать. – Дворец переполнен людьми, пришедшими посмотреть, как она вкушает обед. Все хотят ее видеть.

– Ну, она здесь в новинку. Чудо на неделю. И я хочу, чтобы ее видели.

– У нее есть обаяние, – кивнула миледи.

Особый паж поставил перед ней золотую чашу, наполненную душистой водой, Маргарита смочила в ней пальцы и вытерла их салфеткой.

– Я нахожу, что она очень привлекательна, – сказал Генрих, в свой черед вытирая пальцы. – За всю свадьбу она не сделала ни единой ошибки, и народ ее любит.

Его мать отмахнулась:

– Ее раздрает тщеславие. Ее воспитывали не так, как я бы воспитала свое дитя. Ее воля не сломлена, она не умеет подчиняться. И думает, что она особенная.

Он посмотрел на принцессу. Наклонив голову, она слушала, что говорит ей самая младшая из тюдоровских принцесс, Мэри, потом улыбнулась и что-то ответила.

– Знаешь, матушка, я тоже думаю, что она особенная.

Празднования длились день за днем, а затем двор переехал во дворец в Ричмонде, только что отстроенный посреди огромного прекрасного парка. Каталине, кружащейся в вихре новых лиц и впечатлений, стало казаться, что она центр бесконечного праздника, королева, веселить и забавлять которую радостно готова вся страна. Однако через неделю все это завершилось – к

принцессе явился король и указал, что ее испанским подданным пришла пора отправляться восвояси.

Каталина всегда знала, что приданный ей небольшой двор, свита сопровождения, сопровождавшая ей из Испании во всех треволнениях путешествия по воде и суше, после свадьбы и выплаты первой доли приданого должна ее покинуть, однако два унылых дня, когда отъезжающие собирались в дорогу и прощались со своей госпожой, дались нелегко. Ей оставили в услужение совсем небольшой штат: духовника, нескольких дам-камеристок, управляющего, казначея и самых приближенных слуг. Остальные возвращались на родину. С отъезжающими она отправила поклоны всем в Испании и письмо матушке.

«От дочери Каталины, принцессы Уэльской, ее величеству королеве Кастилии и Арагона.

Дражайшая матушка!

Как поведает тебе эти господа, у нас с принцем хороший дом вблизи реки. Называется он Бейнард-Касл. Это настоящий дворец, только что выстроенный. Там нет бань ни для дам, ни для кабальеро. Я знаю, тебе трудно в это поверить, но это так.

Потом, и в это тоже трудно поверить, здесь совсем нет садов с цветниками, ручьев и фонтанов. Все выглядит так, словно еще не достроено. В лучшем случае имеется крошечный дворик, где можно гулять по кругу, пока не закружится голова. Еда невкусная, а вино кислое. Они едят только сушеные фрукты и, кажется, даже не слышали об овощах.

Но ты не должна думать, матушка, что я жалуюсь. Я хочу, чтобы ты знала: несмотря на эти мелкие трудности, я твердо намерена оставаться принцессой. Принц Артур проявляет ко мне доброту и внимание, когда мы встречаемся, что бывает, как правило, во время трапез. Он подарил мне красивую кобылу, помесь берберских и английских кровей, я каждый день на ней езжу. Мой рыцарь на турнирах здесь не принц, а герцог Бэкингем, который очень ко мне добр, поясняет тонкости дворцовой жизни и дает советы, как поступать в том или ином случае. Мы часто ужинаем в английском стиле, мужчины и женщины вместе. У женщин есть свои комнаты, однако мужчины, и гости, и слуги, свободно входят туда, словно это общие помещения. Единственное место, где я с уверенностью могу побыть одна, если запру дверь, – это нурник, во всех прочих комнатах всегда люди.

Королева Елизавета – дама тихая и спокойная и весьма добра ко мне. Мне нравится ее общество. Миледи матушка короля ко мне холодна, однако, думаю, она такова со всеми, за исключением короля и принцев – в сыне и внуках она души не чает. Она командует при дворе, как настоящая королева. Очень набожна и сурова. Во всех отношениях достойна всяческого почитания.

Без сомнения, ты бы хотела знать, не понесла ли я. Пока никаких признаков нет. Ты будешь рада узнать, что по два часа каждый день я читаю Библию и святые книги, как ты велела, трижды в день хожу на мессу и причащаюсь каждое воскресенье. Отец Алессандро Джеральдини находится в добром здравии и служит мне духовником и советником в Англии так же, как делал это в Испании. Донья Эльвира держит моих дам в повиновении, и я слушаюсь ее так же, как слушалась бы тебя. Мария де Салинас и здесь моя лучшая подруга, как было в Испании, но я не могу выносить, когда она заговаривает о доме.

Я буду такой принцессой, какой ты хотела бы меня видеть. Я не подведу ни тебя, ни Господа. Я буду королевой и защищу Англию от мавров.

Прошу тебя, напиши мне поскорей и сообщи, что здорова. Ты выглядела такой печальной, когда мы расставались. Надеюсь, теперь тебе лучше. Уж конечно Господь не допустит, чтобы ты печалилась, ведь ты всегда была его любимицей? Я молюсь за вас с батюшкой каждый день. В моих ушах постоянно звучит твой голос, направляя меня. Прошу тебя, напиши своей дочери, которая так тебя любит!

Каталина

P. S. Хотя я рада, что замужем и призвана исполнить свой долг перед Испанией и Богом, все равно мне очень тебя недостает. Знаю, что ты прежде всего королева, а уж потом мать, но все равно я буду бесконечно рада твоему письму. К.»

Проводы испанского двора были обставлены весело и сердечно, но Каталина с трудом находила в себе силы улыбаться, вести любезные разговоры, махать рукой на прощание. Они подняли якоря и отчалили, а она осталась на берегу, чтобы проводить взглядом удаляющиеся паруса. Там и нашел ее король Генрих, неотрывно глядящую вдаль, словно она и сама была бы не прочь уехать.

Он слишком хорошо знал женщин, чтобы праздно полюбопытствовать, в чем дело. Одинокое ей, тоскует по дому, что более чем естественно для девушки, которой не стукнуло еще и шестнадцати. Он сам, почти всю жизнь проведя вдали от Англии, в изгнании, хорошо знал, как порой, когда откуда-то вдруг повеет чем-то родным, охватывает душу тоска по родине. Спроси ее сейчас, отчего она так печальна, вызовешь поток слез и ничего не добьешься. Нет, лучше он возьмет ее под руку, вон, ладошка совсем озябшая, и скажет, что сейчас самое время осмотреть его новую библиотеку, которую совсем недавно так красиво и удобно обустроили во дворце, и что она всегда может выбрать там для себя книгу. Через плечо Генрих приказал что-то одному из своих пажей и повел принцессу в библиотеку. Там они обошли все полки, в самом деле красивые, резные, и он показал ей не только книги классических авторов и труды по истории, к которой особенно лежала у него душа, но и романы о любовных подвигах и героях, которые, на его взгляд, лучше всего могли развлечь тихую девочку.

«Не жалуется, – отметил он с удовлетворением, – и насухо вытерла глаза, как только увидела, что я направляюсь к ней». Хорошо воспитанна и школу прошла суровую. Изабелла Испанская, жена воина и воин сама, не попустительствовала своим дочерям. Пожалуй, нет в Англии девушки, которая сравнилась бы с Каталиной по силе духа. Однако под голубыми глазами принцессы лежали тени, и, поблагодарив его за предложенные книги, она не улыбнулась.

– Нравится ли тебе разглядывать карты? – поинтересовался он.

– Разумеется, государь, – кивнула она. – В библиотеке моего отца есть карты со всего мира, и Христофор Колумб изготовил для него карту Америк.

– А много ли книг в собрании твоего отца? – спросил король, ревниво заботившийся о своей репутации книгодея.

Последовала вежливая заминка, сказавшая ему все: библиотека, которой он так гордился, не шла ни в какое сравнение с книжной коллекцией испанского владыки.

– Конечно, надо иметь в виду, что множество книг попало туда, так сказать, по наследству, – тактично ответила она. – В собрании моего отца много книг восточных авторов, доставшихся ему от мавританских ученых. Вам, государь, известно, что арабы перевели греческих авторов задолго до того, как тех переложили на французский, итальянский или английский языки, и сохранили научные знания, утраченные христианским миром. В библиотеке отца в арабских переводах имеются Аристотель, Софокл и многие, многие другие...

Страсть к книгам сжигала его, как голод.

– Так много ли там книг?

– Тысячи, – сказала она. – На иврите, латыни, на всех христианских языках. Но все он сам не читает, для этого есть ученые арабы.

– А карты?

– Для этого есть навигаторы и картографы, тоже арабы. Он пользуется их советами. Они путешествуют повсюду и знают, как прокладывать путь по звездам. Пересечь море для них – то же самое, что перейти пустыню. Они говорят, водная гладь мало отличается от песчаной равнины – те же звезды светят над головой, та же луна.

– И что, как твой отец предполагает, много проку будет от новооткрытых земель? – с любопытством спросил король. – Мы наслышаны о великих вояжах Колумба и сокровищах, которые он привез из своих странствий.

Он отметил, как, взмахнув ресницами, она спрятала оживленно блеснувший взор, и отдал должное ее дипломатическим способностям.

– Не могу сказать, государь, – обдуманно проронила она. – Но моя матушка находит, что открылась бесценная возможность обратиться ко Христу великое множество душ.

Генрих раскрыл перед ней большую папку, в которой хранилась его коллекция географических карт. На многих листах по углам резвились красочно исполненные морские чудища. Используя палец как указку, король проследил береговую линию Англии, границы Священной Римской империи, различные области Франции, недавно расширенные пределы Испании и папские земли в Италии.

– Видишь, почему мы с твоим отцом должны быть друзьями? Нам обоим грозит Франция. Мы даже торговать напрямую не можем, пока не выдворим ее из проливов.

– Если сын Хуаны унаследует земли Габсбургов, под его началом окажутся два королевства, – заметила Каталина, – Испания и Нидерланды.

– А твой сын получит всю Англию, в союзе с Шотландией, и все наши земли во Франции, – подхватил он, взмахнув над картой рукой. – Влиятельные будут кузены!

Каталина улыбнулась, мечтательно и горделиво, что Генрих расценил как признак честолюбия.

– А что, хотела бы ты, чтобы твой сын правил доброй половиной христианского мира?

– Какая бы женщина не хотела! – усмехнулась Каталина. – А ведь тогда наши с Хуаной сыновья смогут победить мавров, загнать их подальше за Средиземное море!

– Или же найдут способ жить с ними в мире, – предположил король. – Уж конечно, одно то, что кто-то зовет Господа Аллахом, а кто-то – Богом, не повод для вражды между верующими!

Не раздумывая она покачала головой:

– Нет, я думаю, война эта продлится вечно. Матушка говорит, это великая битва между Добром и Злом – и конца ей нет.

– Но это означает, что ты будешь в вечной опасности, – начал было он, но тут в высокую дверь постучали.

Это оказался тот самый паж, которого Генрих послал куда-то еще на пирсе. Он привел с собой запыхавшегося старичка, придворного ювелира.

– А теперь, – обратился Генрих к невестке, – у меня для тебя подарок!

Она подняла на него глаза. «Добрый Господь, – подумал он, – да надо быть из камня, чтобы не закипела кровь при виде этакого цветочка! Но как бы то ни было, мне по силам заставить ее улыбнуться, и видит Бог, это мне в радость».

– Правда? – ровным голосом сказала она.

Король сделал знак ювелиру, тот вытянул из кармана кусок малинового бархата, расстелил его на столе, а потом вытряхнул на бархат содержимое мешка на тесемках. На яркую ткань

хлынули драгоценные камни и золотые украшения. Затаив дыхание, широко распахнутыми глазами смотрела на сверкающий поток Каталина.

– Ну, выбирай! – мягко произнес Генрих. – Это тебе мой подарок, чтобы вернуть улыбку на твое личико.

Едва слыша, что он ей говорит, принцесса вмиг оказалась у стола, и ювелир принялся показывать ей свои изделия, поднимая одно за другим на свет, расписывая его достоинства, а король с явным удовольствием эту картину наблюдал. Вот, пожалуйста вам, чистопородная принцесса, в жилах которой течет кровь кастильских королей, и он, внук простолюдина, может ее купить, как любую другую. И благодарение Господу, у него есть чем прельстить ее!

– Серебро? – спросил он.

Раскрасневшееся личико повернулось к нему.

– Нет, не серебро, государь.

Тут Генрих вспомнил, что у ног этой девочки лежало золото инков:

– Значит, золото?

– Да, золото я люблю больше.

– Жемчуг?

Она дернула губкой. Ах, что за рот, подумал он. Так и просится поцеловать!

– Что, жемчуг не годится? – спросил он вслух.

– Ну, я не очень его люблю, – с улыбкой призналась она. – А какой камень предпочитаете вы, государь?

«Господи, да она кокетничает со мной, – оторопел он. – Вертит, как старым дядюшкой. Подсаживает на крючок».

– Ну, тогда изумруды?

– Нет, – улыбнулась она. – Вот это.

И, безошибочно выбрав самое дорогое из того, что принес ювелир, указала на ожерелье из синих сапфиров, к которому прилагались серьги. Поднесла украшение к глазам, подобно мусульманской женщине, закрыв им нижнюю половину лица. Это было очаровательно. Сапфир как нельзя лучше оттенял цвет ее глаз. Она шагнула вперед, чтобы он смог рассмотреть поближе, и король услышал запах ее волос, аромат цветущих апельсиновых деревьев из садов Альгамбры. Да, вся она благоухала, словно чужедальний цветок.

– Ну как? Подходят они к моим глазам?

Каталина была так соблазнительна, что у него перехватило дыхание.

– Очень подходят. Что ж, они твои, – сделав над собой усилие, выговорил он. – И они, и еще выбери что-нибудь. Только покажи... пальчиком.

Ах, как она на него поглядела...

– А мои дамы?

– Да. Зови своих дам, пусть тоже выбирают.

Она засмеялась от удовольствия и побежала к дверям. Пусть себе, подумал он. От греха подальше, лучше не оставаться с нею один на один. И поспешно вышел в коридор, где столкнулся со своей матерью, которая шла с мессы.

Король преклонил колени, и миледи, благословляя, коснулась его головы:

– Сын мой...

– Матушка...

Поднялся, и мать мигом заметила, что лицо у него горит, а сам он взволнован и с трудом держит себя в руках.

– Тебя что-то беспокоит, сын мой?

– Нет, матушка!

– Что, опять королева? – устало вздохнула миледи. – Елизавета? Опять ноет из-за шотландской помолвки Маргариты?

– Нет. Я ее сегодня даже не видел.

– Елизавете надо смириться, – заявила мать короля. – Принцессы не могут выбирать, за кого им выходить замуж, и решать, когда покидать дом. Она бы это знала, если б ее правильно воспитали.

Он дернул ртом, усмехаясь:

– Ну, это вряд ли ее вина...

– Да какое потомство может быть у такой матери, – сурово заметила его мать. – Никудышный род, Вудвилли...

На это король смолчал. Он никогда не защищал жену перед матерью, неприязнь той была столь велика и непоколебима, что нечего было и пытаться ее переубедить. И мать перед женой не защищал тоже, в том не было нужды: королева Елизавета никогда не жаловалась ни на трудный нрав свекрови, ни на требовательность супруга, относясь к нему, к его матери и к его самовластию как к стихийному бедствию, неприятному и неизбежному, как плохая погода.

– Не допускай, чтобы она тебя беспокоила, – велела мать.

– Да не беспокоит она меня, – отозвался он с мыслью о принцессе, которая как раз его очень беспокоила.

Теперь я уверена, что король Генрих ко мне благоволит даже больше, чем к своим дочкам, и мне это приятно. Я привыкла быть самой любимой, балованной дочкой. Мне нравится быть любимицей короля. Мне нравится, что меня выделяют.

Когда он заметил, что мне грустно оттого, что мой двор отбыл в Испанию, он провел со мной несколько часов, показал свою библиотеку, побеседовал о географических картах, а потом подарил роскошный сапфировый гарнитур. Позволил самой выбирать, что мне по вкусу, и подтвердил, что сапфиры отлично идут к моим глазам.

Поначалу он мне не очень понравился, но потом я понемногу привыкла к его отрывистой речи и вспыльчивости. Он из тех, чье слово и при дворе, и во всей стране – закон, и он никому ничем не обязан, за исключением, может быть, своей матушки. Близких друзей у него нет, никаких приближенных, кроме матушки и тех солдат, которые воевали с ним и которые теперь занимают важные посты при дворе. Он не проявляет нежности к жене, неласков с дочерьми, но ко мне он внимателен, и мне это приятно. Возможно, когда-нибудь он станет мне как отец. Я уже и так рада, что он меня выделяет. При таком дворе, как этот, где все и вся зависят от его одобрения или неодобрения, я в самом деле чувствую себя принцессой, когда он хвалит меня или проводит со мной время.

Если бы не он, мне, наверно, было бы еще более одиноко, чем сейчас. Супруг мой принц относится ко мне так, словно я не больше чем стол или стул. Никогда не ищет меня взглядом, никогда мне не улыбнется, никогда не начнет разговора. Его хватает только на то, чтобы кое-как сложить слова для ответа. Какая дурочка я была, когда нашла, что он похож на трубадура! На недотепу он похож, вот на кого, и это чистая правда! Никогда не поднимет голоса, вечно мямлит, никогда не скажет ничего забавного или интересного. Владеет французским, латынью, еще полудюжиной языков, а что толку, раз сказать нечего! Мы живем, как чужие, и, если бы раз в неделю, словно по расписанию, он не являлся в мою опочивальню, я бы забыла, что замужем.

Я показала сапфиры его сестре Маргарите, и теперь она сгорает от зависти. Придется мне каяться в грехе тщеславия и гордыни. Зря я это, не стоило дразнить ее ожерельем, однако, будь она ко мне добрей, хоть на словах, я бы так не поступила. Мне хотелось, чтобы она знала: ее отец меня ценит, даже если она сама, ее бабка и ее брат относятся ко мне совсем иначе. Однако я этим поступком своим добилась только того, что разозлила ее и поставила себя в невыгодное положение, не говоря уж о том, что теперь придется каяться и искупать грех.

Хуже всего то, что мне отказало достоинство, с которым во всех обстоятельствах следует держаться испанской принцессе. Конечно, Маргарита повела себя как суцая торговка на

рынке, но мне следует быть умнее. Двор пляшет вокруг короля, как будто в мире ничего нет важнее, чем его благосклонность, и мне нужно помнить об этом и держаться в стороне. Не стоит равняться на девчонку четырьмя годами моложе меня и всего лишь английскую принцессу, пусть даже она при всяком удобном случае величает себя королевой Шотландии.

Завершив свой визит в Ричмонд, молодые принц и принцесса Уэльские устроили себе королевский двор во дворце Бейнард-Касл. Каталина со свитой – испанец-капеллан, придворные дамы и дуэнья – заняли покои с видом на парк и реку, тогда как Артур со своими капелланом, наставником и штатом слуг расположились в помещениях с окнами, выходящими в город. Встречались оба двора только формально, раз в день за ужином, причем сидя по противоположным стенам зала и взирая друг на друга с подозрением. Не семья, а скорей враги во время вынужденных переговоров о перемирии.

Жизнь во дворце текла согласно указаниям, издаваемым миледи матерью короля. Дни праздников и дни поста, развлечения и распорядок будней – все регламентировалось ею. Даже ночи, когда Артуру следовало посещать опочивальню жены, тоже устанавливала мадам – дабы проследить, чтобы молодые люди не истощали себя, но и своими обязанностями отнюдь не пренебрегали. Поэтому раз в неделю принц вечером в сопровождении свиты торжественно вступал в покои жены и оставался там до утра. У молодых супругов этот ритуал по-прежнему вызывал неловкость и острое смущение. Артур ничуть не набрался опыта, а Каталина, как могла, вежливо сносила его молчаливый наскок. Однако же в свой срок, в начале декабря, у нее начались месячные, и она сообщила об этом донье Эльвире, а та немедленно оповестила постельничего принца, что на неделю визиты его высочества к принцессе желательно отложить, поскольку ее высочество недомогает. Не прошло и получаса, как все, от короля в Уайтхолле до последнего посыльного в Бейнард-Касле, знали, что у принцессы Уэльской месячные, а значит, она не понесла, и все, от короля до посыльного, задались вопросом: раз уж новобрачная здорова, крепка и, очевидно, плодовита, может, это принцу Артуру не по силам исполнить свой долг?

В середине декабря, когда двор всю готовился к пышному двенадцатидневному празднованию Рождества, король вызвал сына к себе и приказал подумать о переезде в замок Ладлоу-Касл.

– Полагаю, тебе захочется взять с собой жену, – с улыбкой заметил король, стараясь, чтобы слова его звучали непринужденно.

– Как желаете, сир, – осторожно ответил Артур.

– А сам-то ты чего хочешь?

После недельного запрета на посещение жены, когда все и каждый шушукались между собой, что ребенка не получилось, хотя, конечно, прошло совсем мало времени и никто, наверно, не виноват, Артур чувствовал себя униженным и подавленным. С тех пор он так ни разу и не посетил ее спальни, а она за ним не посылала. Он и не ждал приглашений, знал, что это смехотворно, не подобает принцессе Испанской приглашать к себе мужа в постель, однако Каталина совсем не улыбалась ему и никоим образом его не поощряла. Сколько обычно длится это таинственное недомогание, он не имел представления, спросить было некого, и он терялся в догадках, что же ему делать.

– Она выглядит не очень веселой, – заметил он.

– Да скучает по дому! – отрезал отец. – Это твое дело – развлечь ее. Возьми ее с собой в Ладлоу. Дари ей подарки. Она же женщина! Превозноси ее красоту. Шути с ней. Ухаживай!

– На латыни? – растерялся Артур.

– Да хоть на валлийском, парень! Если у тебя смеются глаза и в штанах порядок, она поймет, что у тебя на уме. Поверь мне, она из тех женщин, которые прекрасно понимают мужчин!

– Да, сир, – вяло ответил сын.

– А впрочем, если не хочешь, в этом году можешь оставить ее здесь. Ведь так и было задумано, что вы поженитесь и первый год проведете врозь.

– Но мне тогда было всего четырнадцать!

– Всего лишь год назад.

– Да, но...

– Так ты хочешь взять ее с собой или нет?

Принц вспыхнул. Отец смотрел на него с сочувствием.

– Хочешь, но боишься, что она выставит тебя дураком?

Светловолосая голова покивала, поникнув.

– И думаешь, что, когда рядом не будет придворных и меня, она над тобой посмеется?

Опять кивок.

– И все ее дамы. И ее дуэнья.

– И тебе некуда будет девать время.

Мальчик, воплощенное несчастье, поднял глаза:

– И она будет злиться, томиться и превратит ваш замок в сущую тюрьму для вас обоих.

– Если я ей не нравлюсь... – тихонько проговорил принц.

Генрих положил тяжелую руку на плечо мальчика:

– Сын мой! Не важно, что она думает о тебе. Ведь не я выбирал твою мать. И твоя мать не выбирала меня. Когда дело касается трона, сердце на втором месте – ну, если вообще о нем кто-то думает. Она знает, что должна делать, и это главное.

– Еще как знает! – сорвавшись, обиженно выкрикнул принц. – У нее нет...

– Нет чего? – подождав немного, спросил отец.

– Никакого стыда у нее нет!

У Генриха перехватило дыхание.

– Нет стыда? Так она что, страстная? – сдержанно спросил он, постаравшись не выдать голосом внезапно вспыхнувшего желания, возникшего перед глазами образа невестки – обнаженной, бесстыдной, охваченной страстью.

– Нет! Она делает это примерно так же, как конюх запрягает лошадь.

Генрих подавил смешок.

– Но все-таки делает. Тебе не приходится умолять ее, уламывать. Ну-ну. Значит, знает, что делать, да?

Аргур отвернулся к окну и посмотрел вниз, на холодные воды Темзы.

– По-моему, я ей не нравлюсь. Ей нравятся только ее испанцы, и Маргарита, и еще Генрих, пожалуй. С ними она смеется, танцует, как будто ей весело. Щебечет со своими приближенными, со всеми любезна и улыбочива, а я почти с ней не вижусь... Да и видеться-то не хочу...

Генрих потрепал сына по плечу:

– Мой мальчик, да она просто не знает, что о тебе думать! Слишком занята своими платьями и украшениями да своими сплетницами-испанками, будь они неладны! Чем скорей вы останетесь наедине, тем скорее узнаете друг друга. Короче говоря, вези ее в Ладлоу!

Принц кивнул, без особой убежденности.

– Да, если такова ваша воля, сир, – формально ответил он.

– Ну как, спросить мне ее, хочет ли она ехать?

Юноша покраснел до ушей:

– А если она откажется?

Его отец рассмеялся.

– Не откажется! – пообещал он. – Вот увидишь.

Генрих не ошибся. Каталина была слишком принцесса, чтобы ответить королю «да» или «нет». Когда он поинтересовался, не угодно ли ей будет поехать в Ладлоу с принцем, она сказала, что готова выполнить пожелание его величества.

– А могу я узнать, государь, леди Маргарет Пол по-прежнему живет в замке? – спросила она чуть напряженно.

Он нахмурился. Леди Маргарет Пол была теперь, слава богу, замужем за сэром Ричардом Полом, его военным соратником, ныне смотрителем Ладлоуского замка. Однако леди Маргарет Пол была урожденная Маргарет Плантагенет, любимая дочь герцога Кларенса, кузина короля Эдуарда и сестра Эдуарда Уорика, чьи притязания на английский престол были весомей, чем у самого Генриха.

– И что из этого?

– Да... так, – уронила принцесса.

– Тебе нет никаких оснований избегать ее, – мрачно сказал он. – Что сделано, то сделано – от моего имени, по моему приказу. Ты ни при чем, на тебе вины нет.

Она вспыхнула, словно речь шла о чем-то постыдном.

– Ты же понимаешь, я не могу допустить, чтобы мои права на трон подвергались сомнению, – брюзгливо сказал он. – Слишком много претендентов. Йорки, Бофоры, Ланкастеры... Ты не знаешь этой страны. Мы все женаты-переженаты между собой, ни дать ни взять кролики в клетке. – Он остановился посмотреть, не засмеется ли она, но нет, она сосредоточенно морщилась, чтобы поспеть за его быстрым французским. – Я не допущу, чтобы кто-нибудь вздумал заявить права на то, что я завоевал в битве. – И, помолчав, прибавил: – И новой битвы не допущу.

– Я полагаю, государь – настоящий и подлинный король², – осторожно промолвила она.

– Сегодня так оно и есть, – отрезал он. – Все остальное не важно.

– И власть ваша освящена Святой Церковью? – неуверенно спросила она.

– Да, я миропомазан, – с мрачной улыбкой кивнул он.

– И вы королевской крови?

– В моих жилах течет кровь королей, – жестко сказал он. – Измерять, сколько ее там, нет нужды. Я поднял мою корону на поле битвы. В самом прямом смысле, она лежала в грязи у моих ног. Я не колебался, и все, все вокруг знали, все видели, что Господь даровал мне победу, что воистину я избранник Божий. И архиепископ миропомазал меня, потому что и он это тоже знал. Я король не хуже любого другого в христианском мире, а может, и даже лучше других, потому что не младенцем в колыбели наследовал власть, завоеванную кем-то другим, – Господь дал мне ее, когда я был зрелым мужчиной. Я получил корону по заслугам.

Каталина склонила голову перед силой его убежденности и тихо промолвила:

– Вы правы, сир.

Ее покорность, и гордость, которая крылась под этой покорностью, привели Генриха в восторг.

² Генрих Тюдор, наследник по женской линии ланкастерской ветви династии, по существу, прав на трон не имел, так как со стороны и матери и отца имел незаконнорожденных предков, он и Ланкастерам мог наследовать весьма условно. Генрих стал королем благодаря победе в битве при Босуорте. Это сражение произошло 2 августа 1485 г. на Босуортском поле в Лестершире. Авангард армии короля Ричарда под командованием герцога Норфолка атаковал авангард Тюдора под командованием графа Оксфорда. Норфолк, опытный и мужественный командир, почти сразу погиб, что, вероятно, повлияло на исход боя. Затем силы лорда Стенли перешли на сторону Генриха. Чтобы переломить неблагоприятно складывающуюся ситуацию, Ричард III в лучших традициях рыцарства решил сам возглавить атаку, убить претендента – и тем самым решить исход боя. Атака началась успешно – королю удалось убить знаменосца Тюдора, сбросив на землю его штандарт, но тут напавшие на Ричарда сзади солдаты из отряда Стенли убили монарха. После его гибели остатки королевской армии сдались на милость победителей. Это был последний в истории Англии случай смерти короля на поле сражения.

– Может быть, ты предпочитаешь остаться здесь со мной? – спросил он, зная, что не должен этого спрашивать, и надеясь, что она скажет «нет», заглушив этим его тайное к ней вожеление.

– Но, государь, мои желания суть желания вашего величества, – спокойно сказала она.

– Полагаю, тебе хотелось бы побыть с Артуром? – настаивал он, подзадоривая ее сказать, что нет у нее такого желания.

– Как вам будет угодно, сир.

– Ответь мне, чего бы хотелось тебе самой – поехать в Ладлоу с Артуром или остаться здесь со мной?

Чуть улыбнувшись, она не схватила наживки.

– Вы король, – мягко сказала она. – Мой долг повиноваться вашему величеству.

Он знал, что неразумно держать ее при своем дворе, но так велико было искушение хотя бы поиграть с этой мыслью. Переговорив с ее наставниками-испанцами, он обнаружил, что мнения их насчет отъезда противоположны, а сами они погрязли в ссорах. Испанский посол, душу положивший на то, чтобы составить неслыханно сложный брачный контракт, настаивал, что принцессе следует ехать за мужем, поскольку все и каждый должны видеть в ней замужнюю женщину. Исповедник Каталины, единственный, кто испытывал к девушке отцовскую нежность, поддерживал эту точку зрения, считая, что молодые должны быть неразлучны. Однако дуэнья, величественная и неуживчивая донья Эльвира, предпочла бы не покидать Лондон. Она слышала, что до Уэльса далеко, что страна эта горная, каменистая, неприютная, что делать там нечего. А вот если Каталина останется в Бейнард-Касле одна, без Артура, они устроят в самом сердце английской столицы маленький испанский анклав, где будет царить дуэнья, непререкаемо правя и принцессой, и ее двором.

Королева Елизавета говорила, что в середине декабря Уэльс покажется Каталине холодным и неприветливым, и не разумней ли молодоженам пожить в Лондоне до весны.

– Да ты попросту хочешь держать Артура при себе, вот и все, – отмахнулся король. – Нет, ему надо ехать, Артуру ведь предстоит быть королем, и нет лучшего способа научиться править Англией, чем поуправлять провинцией.

– Он еще так молод и робеет...

– Значит, должен научиться править и женой тоже.

– Им придется учиться, как ладить.

– Вот пусть и учатся вместе, а не поврозь.

Дело в конце концов решила мать короля.

– Отошли ее, – жестко посоветовала она. – Нам нужен ребенок. Она не понесет, если останется одна в Лондоне. Отошли ее в Ладлоу с Артуром. – И хмыкнула: – Видит Бог, больше там заниматься нечем...

– Елизавета тревожится, что Каталине будет там скучно и одиноко. А Артур боится, что они не поладят.

– Ну и что за беда? Поладят, не поладят... Важность какая! Они женаты, вот и должны жить вместе и родить наследника.

– Но ей всего шестнадцать, – заметил король. – Она скучает по дому, по матери. Ты не делаешь скидок на ее молодость...

– Меня выдали замуж в четырнадцать, и родила я тебя в том же году, – отрезала Маргарита Бофор. – Мне скидок не делал никто. И все-таки я выжила.

– Сомневаюсь, что ты была счастлива.

– Я и не была. Но разве это имеет значение?

Донья Эльвира советует отказаться от поездки в Ладлоу. Отец Джеральдини считает, что мой долг – следовать за мужем. Доктор де Пуэбла настаивает на том же и говорит, что матушка

моя, вне всякого сомнения, хотела бы, чтобы я жила с мужем и делала все, дабы брак наш был полноценным. Артур, безнадежный мямля, молчит, а его батюшка вроде хочет, чтобы я решила сама, но он король, и я ему не верю.

Если бы можно было на самом деле сказать, чего я хочу, я бы ответила: домой, в Испанию. Здесь, живи мы в Лондоне или Уэльсе, все равно холодно, и все время льет дождь, даже воздух промозглый и пропитан влагой, да и еда невкусная, а еще я не понимаю ни слова на местном языке.

Я знаю, что я принцесса Уэльская и будущая королева Англии. Но что-то это меня больше совсем не радует.

– Мы должны ехать в мой замок в Ладлоу, – с неловкостью проговорил принц Артур, сидя рядом с Каталиной за ужином.

Весь зал перед ними и галерея, его опоясывающая, были заполнены людом, собравшимся со всего города бесплатно развлечься, поглазев, как пируют при королевском дворе. Большинство явилось нарочно ради принца Уэльского и его молодой жены.

Наклоном головы Каталина дала понять, что слышит, но на мужа не посмотрела.

– Это приказ твоего отца?

– Да.

– Тогда я с радостью подчинюсь.

– Мы будем там одни, только мы да смотритель замка и его жена, – добавил он. В этих его словах звучала надежда, что ей это по сердцу, что ей не будет там скучно, что она не будет тосковать или, хуже того, на него злиться.

Она посмотрела на него без улыбки:

– И что?

– Я надеюсь, тебе понравится, – пробормотал он.

– Как будет угодно его величеству, – ровно сказала она, словно напоминая Артуру, что они пока лишь принц и принцесса и никаких прав и никакой власти у них нет.

Он покашлял, чтобы прочистить горло, и провозгласил:

– Сегодня вечером я приду к тебе.

Она взглянула на него взором таким же синим и жестким, как сапфиры, которые обвивали ей шею, и невыразительно промолвила:

– Как пожелаешь.

Вечером, когда он явился, она уже была в постели, и донья Эльвира с каменным лицом – осуждение в каждом жесте – впустила его в опочивальню. Каталина сидя смотрела, как постельничий принца снимает с него накиннутый на плечи халат и, поклонившись, выходит, неслышно закрыв за собой дверь.

– Вина? – предложил Артур, побаиваясь про себя, что голос дрожит.

– Нет, спасибо.

Неуверенным шагом, робея, молодой человек подошел к кровати, откинул одеяла и улегся рядом с женой. Она повернулась к нему, и он, покраснев под ее испытующим взглядом, кинулся поскорей гасить свечу, чтобы Каталина не увидела, до чего же ему не по себе. Кровать скрипнула, это Каталина откинулась на спину и повозилась, задирая свою рубашку, чтоб не мешала. Он понял, что он для нее не человек, а вещь, причем вещь не важная, нечто, что нужно перетерпеть, чтобы стать королевой Англии.

Отбросил одеяла, соскочил с кровати и отрывисто сообщил:

– Я здесь не останусь. Я пойду к себе.

– Что?!

– Я здесь не останусь. Мне тут не рады...

– Не рады? Я никогда не говорила, что...

– Да это же очевидно! Один твой вид...

– Здесь темным-темно! Откуда ты знаешь, какой у меня вид? И потом, ты сам выглядишь так, словно тебя пригнали сюда силой!

– Я?! Разве это я послал записку, из которой весь двор узнал, что мне не следует сюда приходиться!

Каталина ахнула:

– Я не говорила, что тебе не следует приходиться... Мне пришлось сказать им, чтобы они сказали тебе... – и в смущении запнулась, ища слова, – что это мое время... ты должен был знать...

– Твоя дуэнья сказала моему груму, что я не должен к тебе приходиться. Как я, по-твоему, после этого себя чувствовал? Как, по-твоему, выглядел перед всеми?

– А как еще я могла тебе об этом сказать? – растерялась она.

– Да сказать мне самому, а не всему свету сразу! – разъярился он.

– Да как я могла! Да разве об этом говорят! Я бы умерла от смущения!

– Ну да, пусть лучше я выгляжу дураком!

Каталина соскользнула с постели, прошла к изножью и встала там, для устойчивости держась за высокий резной столбик балдахина.

– Милорд, я приношу свои извинения, если обидела вас. Я не знаю, как такие вещи делаются здесь, у вас... В будущем я буду вести себя в согласии с вашими пожеланиями...

Он промолчал.

Она ждала.

– Я ухожу, – сказал он и решительно направился к двери звать своего грума.

– Не надо! – почти против своей воли вскричала она.

– Что? – обернулся он.

– Все узнают, – в отчаянии сказала она. – Узнают, что между нами что-то произошло. Ведь ты только что пришел! Если уйдешь сразу, все подумают...

– Нет, здесь я не останусь! – закричал он.

У Каталины разыгралась гордость.

– Ты опозоришь нас обоих! Что подумают люди? Что я тебе противна или что ты бессилён?

– Но если и то и другое правда? – Он еще громче забарабанил в дверь.

Она онемела, привалясь спиной к столбику кровати.

– Ваше высочество? – раздалось от дверей, створки распахнулись, и в спальню вошли постельничий принца, пара пажей, а следом еще и донья Эльвира с камеристкой.

Каталина гордо проследовала к окну и встала там спиной к вошедшим. Артур помедлил, взглядом попросив у нее помощи, какого-то знака, что все-таки ему можно не уходить, остаться.

– Какой стыд! – воскликнула донья Эльвира и мимо Артура кинулась прикрыть принцессу, накинуть ей на плечи халат.

Теперь, когда в комнате находилась эта женщина, обнявшая Каталину и взиравшая на него пристально и свирепо, вернуться к жене было уже никак нельзя. Он переступил порог и направился в собственные апартаменты.

Я его не переносу. Я не переносу эту страну. Я не смогу жить здесь до конца моих дней. Как он посмел сказать, что я ему противна! Как вообще он посмел со мной так разговаривать! Он что, спятил, как эти их отвратительные собаки, которые, куда ни глянь, всюду пыхтят, высунув лиловые языки... Он забыл, с кем разговаривает! Он забыл, кто он такой!

До того я на него зла, что хоть бери кривую турецкую саблю да руби ему голову! Дай он себе труд подумать хотя бы минуту, то понял бы, что теперь весь дворец, весь Лондон, а может

быть, даже вся страна будет над нами хохотать. Скажут, что я уродина и не умею ублажить мужа.

Я плачу от злости, не от горя. Я прячу лицо в подушку, чтобы никто не услышал и не стал потом говорить, что принцесса плакала, пока не уснула, потому что муж не хочет с ней спать. Мне так тошно, что я давлюсь слезами и злостью.

Некоторое время спустя я перестаю плакать, вытираю лицо, сажусь в кровати. Я принцесса, по рождению и по браку. Я не должна поддаваться. Я сохраню остатки достоинства, пусть даже он его потеряет. Ведь он совсем еще юн, и притом англичанин – откуда ж ему знать, как себя вести? Я думаю о родном доме, вспоминаю, как каменная резьба светится и мерцает, вспоминаю стены из желтого камня, выкрашенные в кремовый цвет. Как бы мне хотелось быть сейчас там!

Было время, в садах гарема я любовалась тем, как отражается в водах пруда большая желтая луна, и как дурочка мечтала поскорей выйти замуж...

Юная чета выехала в Уэльс за несколько дней до Рождества. На людях они общались между собой самым учтивым образом, бывая же наедине, упорно не замечали друг друга. Королева просила, чтобы они задержались хотя бы до Крещения, на все двенадцать святочных дней, однако миледи матушка короля постановила, что Рождество наследникам должно встречать в Оксфорде, дабы народ поближе увидел своих будущих властителей, а слово матушки короля было закон.

Каталина сидела в паланкине, который немилосердно трясло на заледенелой дороге, и мерзла, несмотря на все свои шали и меха. Мулы хромали на колдобинах и ухабах. Матушка короля запретила ей ехать верхом, из страха, что не дай бог принцесса упадет. Под этим крылась невысказанная надежда, что Каталина беременна. Та ничем этих надежд не подтверждала и не опровергала, а Артур был сама скрытность.

Всю дорогу они ночевали в отдельных комнатах, и так же было в колледже Магдалены, где они разместились, прибыв в Оксфорд. На редкость гостеприимный Оксфорд был готов развлекать и веселить гостей, однако принц с принцессой были холодны и скучны под стать декабрьской погоде.

Обедали они вместе, восседали за длинным столом лицом к залу, и жители славного города Оксфорда – столько, сколько могла вместить опоясывающая зал галерея, – занимали места, чтобы поглазеть, как принцесса подносит ко рту малюсенькие кусочки пищи и норовит отвернуться от супруга, тогда как он оглядывает зал в поисках собеседников, словно сидит за столом один.

Выступали танцоры и акробаты, мимы и лицедеи. Принцесса очаровательно улыбалась, но не засмеялась ни разу; все участники представления получили из ее рук кошельки с испанскими дублонами, но она так и не обратилась к супругу, чтобы узнать, доволен ли он происходящим. Принц прошелся по залу, обмениваясь любезностями с представителями городской знати. Говорил он исключительно по-английски, и его испанке-супруге приходилось ждать, когда кто-нибудь обратится к ней по-французски или по-латыни. Но нет, все окружили принца и принялись болтать, шутить и смеяться, почти так, будто смеются над ней и не хотят, чтобы она поняла, в чем соль разговора. И Каталина сидела одна, прямая на своем жестком резном стуле, держала высоко голову, и с уст ее не сходила вызывающая улыбка.

Наконец наступила полночь, мучительно долгий вечер подошел к концу. Каталина поднялась с места, все присутствующие склонились в поклонах. Донья Эльвира стояла у нее за спиной. Как учили, она сделала мужу глубокий испанский реверанс и ясным голоском произнесла по-латыни, очень четко выговаривая слова:

– Желаю вашему высочеству доброй ночи.

– Благодарю вас, мадам, однако не прощаюсь. Я приду в вашу комнату, – оповестил он ее, вызвав одобрительный шепот: людям нравится, когда принц крепок, энергичен и полон желаний.

От столь откровенного заявления принцесса залилась краской. Сказать было нечего, отказать нельзя, но то, как она вскинула подбородок и вышла из комнаты, не предвещало супругу теплого приема. Свита принцессы откланялась и поспешила следом, словно пестрый шлейф платья. Придворные прятали улыбки и переглядывались, отмечая присутствие темперамента у новобрачной.

Через полчаса явившись в апартаменты принцессы, разгоряченный выпитым, подстегиваемый обидой, Артур обнаружил, что жена полностью одета, сидит у очага рядом с дуэньей, комната ярко освещена, пылают свечи, а придворные дамы играют в карты и трещат, словно это не полночь, а полдень. Принцесса явно еще не собиралась укладываться в постель.

– Ваше высочество! – воскликнула она при виде его, встала с места и сделала реверанс.

Артур, который предполагал сразу лечь и явился в ночной рубашке и накинутом на плечи халате, почувствовал себя самым нелепым образом. Каталина, напротив, выглядела вполне парадно. Все ее дамы повернулись и неодобрительно уставились на него. Нестерпимо захотелось выскочить вон, но он сдержал порыв, сказав:

– Я полагал, вы уже в постели.

– В самом деле давно пора, – с ледяной вежливостью ответила Каталина. – Уже поздно, не так ли? Я как раз собиралась отправиться в постель, но тут ваше высочество во всеуслышание объявили, что собираетесь посетить меня, и я подумала, что вы придете сюда со свитой. Мне показалось, вы приглашаете всех в мои комнаты. Иначе зачем заявлять об этом в полный голос?

– Я не заявлял в полный голос!

Вскинув бровь, она не стала противоречить.

– Я остаюсь на ночь, – упрямо сказал он и решительно направился к дверям в опочивальню, мимоходом бросив: – Вашим дамам тоже пора, в самом деле поздно уже, – а потом кивком отпустил своих: – Оставьте нас. – Вошел в опочивальню и закрыл за собой дверь.

Каталина проследовала за мужем, отпустив своих дам. В спальне, стоя на пороге, она смотрела, как Артур сбрасывает халат, рубашку и голышом, не торопясь, укладывается в постель: взбивает подушки, подкладывает их под спину, устраивается поудобней, скрестив руки на голой груди, как делают, предвкушая забаву и развлечение.

Настала ее очередь смутиться.

– Ваше высочество...

– Ты бы лучше разделась, – колко сказал он. – Сама же говоришь, уже поздно.

Она глянула вправо, влево:

– Пожалуй, я пошлю за доньей Эльвирой.

– Сделай милость. И за теми, кто там тебя раздевает. Можешь не обращать на меня внимания.

Она закусила губу. Он видел, что она в смятении. Мысль о том, что придется раздеваться у него на глазах, была отвратительна. Развернувшись, она вышла из комнаты.

Раздался стрекот сердитой испанской речи. Принц ухмыльнулся, догадавшись, что это она прогоняет свиту, чтобы разоблачиться в соседней комнате. В самом деле, когда дверь вновь распахнулась, Каталина появилась в белой рубашке, отороченной кружевами, с заплетенными в длинную косу волосами. Теперь это была девочка, а не та капризная принцесса, как минуту назад, и Артур почувствовал не только разгорающееся желание, но и нечто совсем новое – нежность.

Она посмотрела на него исподлобья:

– Мне нужно помолиться.

Прошла к своей скамеечке для коленопреклонения, встала на колени, сложила руки для молитвы, склонила голову, зашептала. От этого зрелища его раздражение улетучилось, и, как когда-то, он подумал, каково ей приходится – куда хуже, чем ему самому. Что по сравнению с тем, что она чувствует, его страхи и неловкость, ведь она одна в чужой стране, отдана в полную власть мальчишке несколькими месяцами моложе себя. Без настоящих друзей, без родных, вдали от всего, к чему привыкла.

В постели было тепло. Вино, которое он для храбрости выпил, расслабило, нагоняло сон. Он откинулся на подушки. Ох, долгонько же она молится, но, с другой стороны, это неплохо, когда у тебя благочестивая жена. Ресницы его сомкнулись. Вот она сейчас придет, ляжет рядом, и он возьмет ее – уверенно, но нежно. Сегодня Рождество, следует быть добрым. Ей одиноко, она испугана... Он будет добр к ней... Да, правильно, добр, нежен, как заботливый, любящий супруг, и тогда она почувствует к нему благодарность... Может, со временем они научатся радовать друг друга, может, ему удастся сделать ее счастливой... Он задышал глубже, ровнее... по-детски причмокнул губами... и уснул.

Дочитав молитву, Каталина оглянулась через плечо и расцвела победной улыбкой. Потом тихохонько прокралась к кровати, забралась под одеяло и, позаботясь о том, чтобы даже подол ее рубашки не коснулся спящего рядом мальчика, устроилась поживать.

Что, решил смутить меня перед моими дамами, перед всем двором? Решил, что можешь унижить меня и торжествовать? Так нет же! Я, принцесса Испанская, видывала и слыхивала такое, чего ты в своей мирной стране даже во сне не увидишь! Я инфанта, я дочь могущественных монархов, которые сумели отразить самую страшную опасность, грозившую когда-либо христианству. Семьсот лет мавры владели Испанией, империей посильнее Римской, и кто же их выгнал? Моя мать! Мой отец! Так что не смей думать, что я боюсь тебя, тебя, принца из йоркских розовых лепестков, или как там они тебя называют. Нет, я, принцесса Испанская, не стану ни мелочной, ни злобной, но, если ты бросишь мне вызов, я тебя не пощажу.

Утром он, нянча свою уязвленную мальчишескую гордость, не сказал ей ни слова. Сначала она унизила его в Бейнард-Касле, публично отказав в супружеских правах, а теперь сделала это с глазу на глаз. Ему казалось, что она заманила его в ловушку, выставила дураком, даже сейчас смеется над ним. Артур поднялся в угрюмом молчании и ушел. Во время мессы ни разу на нее не взглянул, а потом уехал охотиться на весь день. Вечером тоже не разговаривал. Смотрели представление, сидели рядом, и все молча. Так и прожили целую неделю в Оксфорде, хорошо если обменявшись за день десятком слов, не больше. С истовой серьезностью он дал себе страшную клятву, что в жизни больше с нею не заговорит. Он сделает ей ребенка, если сможет, и будет принижать ее всеми доступными ему способами, но никогда в жизни не обратится к ней напрямую, и никогда, никогда, никогда в жизни не станет спать в ее постели.

Когда же ранним утром пришел час выезжать в Ладлоу, небо затянуло тучами, сулившими скорый и обильный снегопад. Каталина, едва переступив порог колледжа, отпрянула под напором ледяного влажного воздуха. У носилок она помедлила. Словно узница, вдруг подумал Артур, которая не решается забраться в повозку, чтобы ехать к позорному столбу, а поделаться ничего не может, ехать все равно надо.

– Что, очень сегодня холодно? – спросила она.

Он повернулся к ней с непримиримым видом:

– Привыкай! Ты не в Испании.

– Да уж вижу...

Она раздвинула занавеси паланкина. Внутри лежал ворох шалей, чтобы она укуталась, и подушки – положить на сиденье. Выглядело не очень удобно.

– Это что! Будет еще хуже, – жизнерадостно пообещал принц. – Похолодает, начнутся дожди, снегопады, гололед. За весь февраль выпадает в лучшем случае два солнечных дня, а так все время ледяные туманы, из-за которых день кажется ночью и все серым-серо...

Каталина подняла взор на мужа:

– Не могли бы мы остаться еще на день?

– Ты согласилась ехать, – ядовито напомнил он. – Я бы с радостью оставил тебя в Гринвиче.

– Я сделала так, как мне велели.

– Вот мы и здесь. Путешествуем, как велели.

– Но ты-то хотя бы можешь двигаться и не мерзнуть, – жалобно сказала она. – Нельзя ли и мне верхом?

– Миледи матушка короля сказала, нельзя.

Она скорчила рожицу, но смолчала.

– Впрочем, если хочешь, можешь остаться здесь, – отрывисто сказал он так, словно ему недосуг со всем этим разбираться.

– Нет, – вздохнула она, – конечно же нет. – Каталина забралась в паланкин и отдалась в руки служанок, которые укутали ее платками и одеялами.

Принц, кланяясь и улыбаясь горожанам, собравшимся по обочинам, чтобы приветствовать наследника, выехал из Оксфорда во главе обоза. Каталина же задернула занавески, спасаясь от холода и любопытных взоров, и народу не показалась.

Пообедать они остановились в замке, случившемся по пути, и Артур направился к входу в дом, даже не подойдя справиться, как она, помочь ей выбраться из носилок. Хозяйка замка, взволнованная приездом гостей, поспешила поздороваться с принцессой и, видя, что та еле держится на ногах, что лицо у нее белое до голубизны, а глаза покраснели, воскликнула:

– Ваше высочество, да вы здоровы ли?

– Я ооченела, – с самым несчастным видом сказала Каталина, – промерзла до самых костей. Никогда в жизни мне не было так холодно!

За обедом она почти не ела, и выпить вина ее уговорить не сумели. Выглядела же принцесса так, словно сейчас упадет от усталости, однако ж, едва все встали из-за стола, Артур приказал трогаться в путь, поскольку до ранних зимних сумерек требовалось преодолеть еще двадцать миль.

– Разве нельзя остаться? – шепотом, торопливо спросила Мария де Салинас.

– Нельзя, – коротко сказала принцесса и поднялась с места. Но когда растворили высокую дверь, ведущую во внутренний дворик замка, резкий порыв ветра занес внутрь стайку снежинок, и те закружились, заплясали вокруг отъезжающих, воскликнула, пошатнувшись: – Боже, дорогу заметет, мы заблудимся!

– Не заблудимся, я знаю дорогу, – отрезал принц и, выйдя во двор, решительно направился к своему коню.

Хозяйка замка послала слугу в кухню, чтобы тот сбегал за раскаленным камнем – положить его в носилки к ногам Каталины, сама усадила принцессу в паланкин, укутала одеялами и укрыла меховой полостью.

– Я уверена, ваше высочество, принцу не терпится поскорей показать вам свой замок Ладлоу, – сказала хозяйка, пытаясь представить ситуацию в наиболее выгодном свете.

– Замучить меня поскорей – вот что ему не терпится, – отозвалась Каталина, позаботившись, Впрочем, произнести это по-испански.

Створки ворот со стуком закрылись. Теплый, обжитой замок остался позади, а они повернули на запад. Было всего два часа пополудни, но под тяжелыми снеговыми тучами в косых лучах белесого солнца казалось, что холмистый ландшафт излучает зловещее сероватое сияние. Дорогу, две бурые колеи, змеившиеся по бурым полям, на глазах заметало. Артур, напе-

вая, скакал впереди. Паланкин Каталины тащился следом. При каждом шаге мулов ее бросало из стороны в сторону, и, чтобы не упасть, синими, одеревеневшими пальцами она держалась за боковину. Занавески, худо-бедно спасавшие от снега, не спасали от ветра. Отвернув уголок, чтобы взглянуть на окрестности, она видела лишь белое мельтешение снежинок и низкое, темнеющее с каждой минутой небо. Снеговые тучи сгущались над маленькой кавалькадой, прокладывающей себе путь по белой земле под серым небом.

Лошадь Артура бодро шла галопом, принц уверенно сидел в седле, руки в перчатках, в одной поводья, в другой кнут. Под коротким камзолом из толстой кожи – теплая шерстяная поддевка, на ногах – мягкие, удобные кожаные сапоги. Трясаясь в своем паланкине, Каталина смотрела, как он скачет, до того замерзшая и несчастная, что не было сил даже его презирать. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы он подъехал сейчас и сказал, что они почти что приехали, почти дома.

Прошел час, мулы брели по дороге, низко опустив головы, встречая лбом западный ветер. Снег усилился. Каталина свернулась клубком под одеялами, прижав к животу уже остывший камень, нырнув с головой под меховую полость. Ноги совсем окоченели, в прорези занавесок врывался ветер, и то и дело она ежилась от его ледяных укусов.

Вокруг мулов с носилками, в которых заживо замерзала Каталина, гарцевали всадники, перекрикивались, посмеивались над погодой, предвкушая, как плотно поужинают, когда доберутся в городок Бурфорд. Казалось, голоса их доносятся откуда-то издалека. От холода и усталости Каталина проваливалась в сон.

Из тяжкой дремоты она выбралась, когда паланкин опустили на землю и раздвинули занавеси. Волна холодного воздуха ударила в лицо, она недовольно вскрикнула и накрылась с головой.

– Инфанта? – забеспокоилась донья Эльвира. Дуэнья, ехавшая на своем муле, ничуть не замерзла. – Благодарение Богу, наконец мы на месте!

Каталина не шевельнулась.

– Что такое? – раздался голос Артура. Он видел, что носилки опустили на землю, что над ними склонилась дуэнья. Видел, что груда тряпья и мехов в носилках не подает признаков жизни. Мелькнула неприятная мысль, что принцесса, может быть, заболела. Мария де Салинас бросила на него укоризненный взгляд. – В чем дело?

– Все в порядке, – выпрямилась донья Эльвира, заслонив собой паланкин и Каталину. Принц соскочил с лошади и направился к ним. – Принцесса просто уснула. Сейчас она приведет себя в порядок.

– Я хочу ее видеть.

Уверенной рукой принц отстранил дуэнью и встал на колени перед носилками.

– Каталина, – тихо позвал он.

– Я замерзла, – тоненьким голосом отозвалась она, подняла голову, и он увидел, что лицо у нее белое как снег, а губы посинели. – Я т-так з-замерзла, что умру, и тогда ты будешь счастлив. Похоронишь меня в этой ужасной стране и женишься на какой-нибудь глупой, толстой англичанке... а я никогда, никогда не увижу... – И залилась слезами.

– Каталина! – пробормотал он в изумлении.

– Никогда не увижу матушку... Но она поймет, что ты замучил меня в своей ужасной стране...

– Я тебя не мучил! – взвился он, совсем не думая о том, что вокруг люди. – Ради бога, Каталина, это не я!

– Ты жестокий, – посмотрела она ему прямо в глаза. – Ты жестокий, потому что...

Но ее залитое слезами, несчастное белое лицо было красноречивей всяких слов. Сейчас она была такой же, как одна из его сестер, когда ее отчитывала бабушка, мать короля. Сейчас она выглядела не как оскорбительно надменная задавака, испанская принцесса, а совсем как

девочка, которую довели до слез, и принц понял вдруг, что до слез ее довел именно он. Это он заставил ее весь день ехать в холодных носилках, в то время как сам гарцевал и радовался тому, что ей плохо.

Он отыскал в тряпье ее маленькую ледяную руку. Виновато поднес голубоватые пальчики к губам, поцеловал, а потом принялся греть их своим дыханием.

– Прости меня Господь! Я забыл, что я муж. Да я и не знал, что такое быть мужем. Даже не понимал, что из-за меня ты можешь заплакать. Никогда больше не допущу этого.

Она сморгнула. Голубые глаза плавали в непролитых слезах.

– Что?

– Я был не прав. Я злился, но был не прав. А теперь позволь, я отнесу тебя в дом, мы согреемся, и я повинюсь и скажу тебе, что всегда буду к тебе добр.

Она сразу затрепыхалась в своих покровах, и Артур откинул полость, помог ей освободиться. Окоченелую, ее не держали ноги. Не обратив внимания на сдавленные протесты дуэньи, Артур подхватил жену на руки и, словно новобрачную, перенес через порог замка.

Перед очагом принц опустил ее на ноги, мягким движением откинул на спину капюшон плаща, развязал тесемки у ворота, растер руки. Отмахнувшись, прогнал слуг, сбежавшихся услужить, и сам налил ей вина, в общем, сделал так, что вокруг них образовался кружок мира и покоя, и понемногу краски вернулись на ее бледные щеки.

– Прости меня, – от всего сердца сказал он.

– Уже простила, – прошептала Каталина с улыбкой, осветившей ее лицо.

– Я вел себя как ребенок, причем ребенок испорченный. Я поступил бездумно. Я забыл, что должен заботиться о тебе. Но теперь все будет иначе. Я никогда тебя не обижу.

– Это хорошо. Но и ты должен меня простить. Я тоже тебя обижала.

– Разве?

– Да. В Оксфорде, – еле слышно прошептала она.

– И что ты мне хочешь сказать?

Она бросила на него быстрый взгляд снизу вверх. Он не разыгрывал из себя обиженного. Просто он был мальчик с неизжитым еще мальчишеским представлением о справедливости. Перед ним нужно по всем правилам извиниться.

– Прости меня, пожалуйста, – искренне сказала она. – Это было не очень красиво, и утром я об этом сожалела, но признаться тебе никак не могла...

– А сейчас не пойти ли нам лечь вместе? – прошептал он ей в самое ухо.

– А можно?

– Ну, если я скажу, что ты больна...

Она молча кивнула.

– Принцесса утомлена дорогой и нуждается в покое, – объявил он вслух, – донья Эльвира сопроводит ее в опочивальню, и позже мы с ней вдвоем там поужинаем.

– Однако собрались люди, чтобы увидеть ваши высочества, – взмолился хозяин. – Они приготовили выступления и желают устроить диспут...

– Я сейчас же встречу с ними здесь в зале, и мы останемся еще и на завтра. Но принцесса проведет вечер в своей комнате.

Началась суматоха, придворные дамы во главе с доньей Эльвирой собрались вокруг принцессы, чтобы ее проводить, и тут она повернулась к Артуру и четко произнесла, чтобы все слышали:

– Дорогой супруг, я жду вас к себе на ужин.

Это было именно то, чего он добивался: услышать, как она при всех заявляет о своем желании его видеть. Это примирило его с самим собой. Он поклонился в ответ, направился в большой зал, там потребовал бокал эля и повел себя очень любезно по отношению к полудюжине гостей, собравшихся, чтобы его повидать, а затем извинился и отправился в ее комнату.

Она ждала его, сидя у очага. Каталина отпустила всех придворных дам и слуг, некому было даже прислуживать за столом. Артур страшно удивился, увидев пустую комнату: принцы Тюдоры никогда не оставались одни. Но принцесса дуэнью и ту прогнала. Она сама принарядила комнату, сама накрыла на стол. Набросила на простую деревянную мебель легкие шали ярких цветов, даже стены украсила гобеленами, чтобы они не выглядели так голо, и комната стала похожа на восточный шатер.

Еще она приказала укоротить ножки стола, отпилив их так, что стол стал не выше скамеечки для ног. Поставила этот смехотворный столик на ковры, постеленные у горящего очага, по обеим сторонам, напротив, положила большие подушки, будто ужинать они будут возлега у костра, словно язычники. Всюду горели свечи, и пахло сладко, как в церкви в праздничный день.

Он чуть было не посмеялся вслух над странной идеей отпиливать ножки у мебели, но потом передумал. Наверно, это не просто девичья причуда. Наверно, таким образом она пытается ему что-то сказать...

Наверняка так, тем более что и Каталина была в самом необыкновенном наряде. На голове – высокой короной в несколько слоев намотанный шелковый шарф, один конец которого свободно свисал сбоку, так что она могла при желании закрыться им как вуалью. Взамен приличествующего случаю платья – широкая прямая рубаха из легчайшего, тончайшего, почти прозрачного дымно-голубого шелка. У Артура сердце забилось, когда он понял, что под рубахой она совсем голая – ну, если не считать длинных штанов, вроде мужских, но совсем на них не похожих, потому что, поддерживаемые на тоненькой талии шнурком из золотой нити, они пышными складками ниспадали до самых щиколоток, где их тоже подхватывал шнурок, а голые ступни прятались в изящных, алых, вышитых золотом шлепанцах. Он изумленно переводил взгляд с варварского тюрбана на турецкие туфли, с ног на голову и обратно, и не находил слов.

– Тебе не нравится, – грустно сказала она.

– Да нет, просто я никогда такого не видел, – пробормотал он. – Это что, такое арабки носят? Покажись!

Она повертелась перед ним на носочках, поглядывая через плечо.

– В Испании все так ходят, – сказала она. – И матушка тоже. Так удобней, чем в тесном платье. И это можно стирать, не то что бархат и дамаск.

Он кивнул, прислушиваясь к легкому запаху розовой воды, который исходил от шелка.

– И днем, когда жара, так прохладней.

– Они... – «варварские», хотел сказать он, но спохватился и сказал: – Восхитительны. – И сразу обрадовался, что спохватился, потому что глаза ее радостно вспыхнули.

– Ты правда так думаешь?

– Да.

Она ликующе вскинула руки и еще перед ним повертелась, чтобы он посмотрел, как трепещут складки шальвар и как легка рубашка.

– Ты в этом спишь?

– Мы носим их почти все время, – рассмеялась Каталина. – Матушка надевает их под доспехи, они удобней, чем что-либо еще, и не наденешь же кольчугу на платье!

– Да уж...

– Когда мы принимаем посланников христианских стран, или когда какое-нибудь государственное событие, или когда при дворе праздник, мы носим платья и мантии, особенно на Рождество, потому что тогда холодно. Но в личных апартаментах, и уж конечно летом, и тем более во время военных кампаний мы всегда в мавританском платье. У такой одежды бездна достоинств – ее легко шить, легко стирать, легко возить за собой и легко носить!

– Здесь это не пройдет, – улыбнулся он. – Мне очень жаль, но миледи матушка короля будет в гневе, если только узнает, что ты привезла это с собой.

– Я знаю, – кивнула она. – Моя матушка предупреждала меня. Но мне хотелось, чтобы что-то напоминало мне родной дом, и тогда я решила, что буду хранить это в сундуке, и никто не узнает. А сегодня захотела показать тебе – показать себя, какой я была дома...

Каталина отступила в сторону и сделала жест рукой, приглашая его к столу. Чувствуя себя большим и неловким, он нагнулся и стянул сапоги, прежде чем ступить ногами на толстый ковер. Она одобритительно кивнула и знаком попросила его присесть. Артур осторожно опустился на вышитую золотой нитью подушку. Каталина, в свой черед чинно усевшись напротив, протянула ему чашу с надушенной водой и белую льняную салфетку. Он окунул пальцы в воду, вытер. Улыбнувшись, она предложила ему откусать. На столе была та самая еда, к которой принц привык с детства: жареные цыплячьи ножки, жареные почки с острой подливой и белый хлеб – незатейливый, но сытный английский ужин. Однако привычные блюда Каталина разложила по золотым тарелкам маленькими порциями, постаравшись сделать это с фантазией, принарядив сбоку дольками яблок, ломтиками редких сортов вяленого мяса со специями, кусочками засахаренной сливы. Ей хотелось, чтобы он хоть сколько-то представил себе, что такое еда в Испании, что такое тонкий и изысканный мавританский вкус.

Предубеждения Артура были поколеблены.

– Это... это красиво! – не сразу нашелся он. – Похоже на картину. И ты... ты тоже похожа на... – растерялся, что не знает ничего, с чем можно ее сравнить, а потом вспомнил: – Да, ты напоминаешь мне картинку на расписной тарелке, которую я видел у матушки. Это ее сокровище. Ты такая же. Странная, незнакомая, но очень, очень красивая.

От похвалы она засветилась.

– Я хочу, чтобы ты понял, – сказала она, тщательно подбирая латинские выражения. – Я хочу, чтобы ты понял, что я такое. *Cuiusmodi ego*.

– Прости?

– Я твоя жена, – кивнула она. – Я принцесса Уэльская. Я буду королевой Англии. Но помимо того, я еще и инфанта Испанская, Каталина Арагонская.

– Но я это знаю!

– Ты знаешь и при этом не знаешь. Ты не знаешь, что такое Испания, ты не знаешь, какая я. Я хочу объяснить тебе то и другое, насколько смогу. Я любимица отца. Когда мы едим в своем кругу, мы делаем это так, как мы с тобой сейчас. Когда армия выходит в поход, мы живем в шатрах и греемся примерно перед такими же жаровнями, как в этом очаге, а в поход, надо тебе сказать, мы ходили каждый год, пока мне не стукнуло семь лет.

– Но ведь у вас христианская страна, – удивился Артур. – У вас не может не быть стульев, нормальных стульев, вы должны есть за столом, как все.

– Только во время банкетов, – сказала она. – Когда мы едим в наших личных апартаментах, обстановка как раз такая, совсем как у мавров. О, конечно же мы произносим благодарственную молитву перед едой, но живем мы совсем не так, как тут у вас в Англии. У нас повсюду прекрасные сады с фонтанами и журчащей водой. Наши комнаты облицованы цветной керамической плиткой и исписаны золотыми буквами, изрекающими мудрые истины поэтическим языком. У нас есть бани с горячей водой и парные с густым и душистым паром. Есть погреба, в которые зимой привозят лед с гор Сьерры, и потому летом нам подают охлажденные напитки и фрукты.

Ох, как соблазнительно это звучало...

– Похоже на сказку, – неохотно признал он.

– Знаешь, я только сейчас поняла, до чего мы с тобой чужие друг другу, – сказала она. – Там, дома, я думала, что твоя страна будет примерно как Испания, однако здесь все по-другому.

Теперь мне кажется, что мы, испанцы, скорее арабы, чем вестготы. Наверно, и ты думал, что я буду похожа на твоих сестер, но знаешь, я совсем, совсем другая.

– Да, – кивнул он. – Нам придется знакомиться сызнова, привыкать друг к другу...

– Не тревожься, я всему выучусь. Стану совсем как англичанка. Но мне хочется, чтобы ты знал, какая я была дома.

Он снова кивнул.

– Что, очень ты замерзла сегодня?

Странное, неведомое прежде ощущение поселилось в нем, какая-то тяжесть внизу живота, болезненная при мысли о том, что она несчастна.

Она впрямую встретила его взгляд:

– Да. Очень. Потом я подумала, что была недобра к тебе, и мне стало стыдно. А потом я подумала, как далеко меня занесло от родного дома – от солнца и тепла – и от моей матушки, и мне стало тоскливо. Это был ужасный день, правда.

– Я могу чем-то тебя утешить? – потянулся он к ней.

– Уже утешил. – Она вложила пальчики в его ладонь. – Когда на руках принес меня к огню и попросил прощения. Знаешь, я научусь верить, что ты никогда меня больше не обидишь.

Артур притянул ее к себе. На подушках было мягко, удобно. Он уложил ее рядом, тихонько потянул за конец шарфа, намотанного вокруг головы. Шелковая ткань легко соскользнула с шелка волос, высыпались густые рыжие пряди. Он прижался к ним губами, потом легонько поцеловал сладкий, чуть дрожащий рот, глаза в обрамлении светлых ресниц, рыжеватые брови, голубую венку на виске, ушко. Желание разгорелось, он приник губами к ямке у основания шеи, быстрыми поцелуями осыпал тонкие ключицы, теплую плоть от шеи к плечу, сгиб локтя, горячую ладонь, волнуяще пахнущую подмышку, а потом через голову стянул с нее рубаху. Нагая Каталина – его жена, его любящая жена – лежала в его руках. Наконец-то!

Я люблю его. Я не думала, что это возможно, но я люблю его. Я в него влюбилась. Я смотрю на себя в зеркало в изумлении, словно я изменилась, как изменилось все остальное вокруг. Я – женщина, влюбленная в своего мужа. Я, Каталина Испанская, влюблена. Я хотела ее, этой любви, я думала, она невозможна, и я ее получила. Я влюблена в своего мужа. Мы будем править Англией. Кто усомнится теперь, что в Его неизреченной милости я избрана Богом? Он сберег меня в превратностях войны и привел в прекрасные сады Альгамбры, а теперь дал мне Англию и любовь юноши, который будет королем.

Захваченная наплывом чувств, я сжимаю ладони и молюсь: «Прошу Тебя, Господи, позволь мне любить его вечно, не отнимай нас друг у друга, как отнял Хуана у Марго, в их первый год любви. Позволь нам состариться вместе!»

Замок Ладлоу, январь 1502 года

Багровое солнце низко висело над округлыми холмами, когда они достигли ворот в высокой городской стене. Артур, который ехал рядом с паланкином Каталины, прокричал, чтобы она услышала его сквозь грохот копыт по мостовой:

– Вот и Ладлоу, наконец!

– Дорогу принцу Уэльскому! – возгласил впереди герольд, тяжелые створки ворот распахнулись, и люди высыпали из домов поглазеть на проезжающую мимо процессию.

Перед Каталиной предстал городок, красивый, как вышивка на гобелене. Деревянные дома живописно карабкались вверх по мощеным улочкам, их вторые этажи уютно нависали над первыми, в которых располагались процветающие, судя по их виду, лавки и мастерские. Жены торговцев, сидевшие на скамеечках у дверей, подсакивали с места, чтобы поклониться Каталине, и она улыбалась и махала рукой в ответ. Из верхних окошек домов с вывесками перчаточника, башмачника или золотых дел мастера высовывались, выкликая ее по имени, дочери и сыновья, подмастерья и служанки. Каталина испугалась, когда один мальчишка от возбуждения чуть было не вывалился из окна, но его с хохотом подхватили.

Проехав большой рынок с потемневшим от времени постоянным двором, они услышали, как зазвонили колокольни полудюжины церквей, часовен, колледжей и больниц Ладлоу, приветствуя приезд принца и его новобрачной домой, в Уэльс.

Каталина, вытянув шею, чтобы рассмотреть свой замок, отметила неприступные стены, за которыми прятался внешний двор. Процессия въехала туда через настежь распахнутые ворота, где ее уже ждала вся городская верхушка: мэр, церковные старосты и старейшины влиятельных торговых гильдий.

Артур осадил своего коня и вежливо выслушал долгую приветственную речь, сначала по-валлийски, потом по-английски.

– А кормить когда будут? – по-латыни шепнула ему Каталина и заметила, что Артур изо всех сил старается сдержать улыбку. – А когда спать отпустят? – не унималась она и с удовлетворением отметила, как дрогнула от желания его рука, сжимавшая повод коня.

Каталина тихонько хихикнула и спряталась за занавеской, пока не иссякли бесконечные приветствия; и королевская свита смогла наконец проследовать во внутренний двор замка.

Замок был ладный, крепкий, не хуже пограничных крепостей в Испании. Высокая стена надежно защищала внутренний двор, а необычный розовый камень, из которого ее выстроили, придавал мощным стенам ощущение тепла и домашнего уюта.

Наметанным глазом Каталина окинула крутой склон холма и взбирающиеся по нему стены, колодец во внутреннем дворе, другой – во внешнем, то, как одна зона обороны перетекает в другую; осада может длиться годами. Но замок был маленький, словно игрушечный, такие ее отец строил, чтобы защитить речную переправу или торговый путь. Такой замок мог бы быть только у самого низкородного испанского гранда.

– Это все? – прямо спросила она, думая о том, что в стенах ее родной Альгамбры размещается целый город с садами и террасами и на обход укреплений у караульных уходит целый час. А тут, в Ладлоу, такой обход займет всего несколько минут. – Это все?

Он даже отшатнулся:

– А ты ожидала большего? Скажи мне, чего же ты ожидала?

Он так встревожился, что, не будь вокруг столько народу, она погладила бы его по щеке. Нет, нельзя.

– Ну что ты, я просто сболтнула глупость. Подумала о Ричмонде и сболтнула.

Ни за что на свете она не призналась бы, что думала об Альгамбре.

Он улыбнулся:

– Любовь моя! Ричмонд – замок совсем новый, его только что выстроили, он отрада и гордость моего отца. Лондон – великая столица, Ричмонд ему под стать, а Ладлоу просто город, для Уэльса значительный, конечно, но... Однако ты увидишь, он процветает, и охота здесь отличная, и живут тут добрые люди. Тебе понравится!

– Я в этом не сомневаюсь, – заверила его Каталина, стараясь хотя бы на время забыть о дворце, выстроенном ради красоты, о дворце, создатели которого думали о том, куда упадет свет и что будет отражаться в водной глади мраморных бассейнов.

Ее внимание привлекло удивительное, круглое, словно башня, сооружение посередине внутреннего двора.

– Что это? – спросила она, с помощью Артура выбираясь из носилок.

– А, так это наша круглая часовня, – небрежно ответил он, оглянувшись через плечо.

– Круглая? – удивилась она.

– Да, как в Иерусалиме.

И Каталина, как старую знакомую, признала традиционную форму мечети, устроенную так, чтобы ни один молящийся не занял места лучше других, ибо перед Аллахом все равны и славить его волен и бедный, и богатый.

– Очаровательно!

Он удивленно на нее посмотрел. Для него это была просто круглая башня, выстроенная из розоватого местного камня. Сейчас, в закатном свете, часовня излучала мир и покой, но его это мало интересовало.

– Ну да. А теперь взгляни вот сюда. – Он указал на большое здание, к раскрытым дверям которого вела красивая лестница. – Это холл. Налево – палаты Совета Уэльса, над ними – мои комнаты. Направо – помещения для гостей и апартаменты управляющего замком, сэра Ричарда Пола, и леди Маргарет, его супруги. Твои комнаты располагаются на верхнем этаже.

– Она сейчас здесь? – живо спросила Каталина, и он это отметил.

– Нет, сейчас ее в замке нет.

Каталина кивнула.

– А за Холлом есть здания?

– Нет. Он встроен прямо во внешнюю стену. Там больше ничего нет.

Она позаботилась о том, чтобы улыбка не сходила с лица.

– Во внешнем дворе есть еще помещения для гостей, – горячо сказал он, защищая любимый замок от возможных упреков. – И еще постоянный двор. Это живое место, веселое. Ты полюбишь его.

– Ну конечно, – засияла она. – И где же мои комнаты?

Он указал на самые высокие окна:

– Вон те окна наверху. Такие же, как мои, но отделены Холлом.

– И как же ты будешь приходить ко мне?

Взяв жену за руку, улыбаясь направо и налево, он повел ее к широкой парадной лестнице. Придворные, под приветствия и поклоны хозяев, выстроились в процессию и последовали за ними.

– Миледи матушка короля приказала мне четыре раза в месяц формально, со свитой, являться в твои комнаты через холл, – проговорил он, ведя ее по ступенькам вверх.

– Вот как? – огорченно выдохнула она.

Он улыбнулся ей сверху вниз и прошептал, наклонясь ближе:

– А во все прочие вечера я буду приходить к тебе по стене. В твоих комнатах есть дверца, ведущая на винтовую лестницу, которая опоясывает здание с внешней стороны. По ней можно обойти весь замок. В моих комнатах тоже есть выход на эту лестницу. Мы будем навещать друг друга втайне от всех!

И он с удовольствием увидел, как радостно загорелись ее глаза.

- Значит, мы сможем быть вместе сколько угодно?
- Мы будем счастливы здесь.

Да, я буду счастлива здесь. Не стану тосковать по прекрасным садам моей родины, причитая, что без них мне нет жизни. Не стану говорить, что эти горы словно пустыня, лишенная оазисов. Привыкну к Ладлоу, научусь жить в Уэльсе, а потом – в Англии. Моя матушка, королева в доспехах, научила меня выполнять свой долг. Мой долг – приспособиться, быть довольной, не жаловаться.

Наверно, не носить мне доспехов, не сражаться за свою страну, но есть много способов послужить ей, и один из них – стать добронравной, достойной уважения королевой. Не обязательно воевать. Можно служить стране, издавая справедливые законы. Как бы то ни было, всей душой я постараюсь стать Англии настоящей королевой.

Было за полночь. Пламя очага бросало отблески на счастливое лицо Каталины. Они лежали в постели, сонные, но не насытившиеся друг другом.

- Расскажи еще что-нибудь.
- Я уже столько тебе рассказала...
- Расскажи еще. Расскажи, как Боабдил преподнес испанским королям золотые ключи на шелковой подушке и удалился в слезах.
- Эту ты уже слышал. Я вчера ее рассказывала.
- Тогда расскажи о Ярфа и как его конь скалился на христиан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.